

БОРИС КАМОВ

**МАЛЬЧИШКА-
КОМАНДИР**

Борис Камов

Мальчишка-командир

«Теревинф»

1987

УДК 82
ББК 84

Камов Б.

Мальчишка-командир / Б. Камов — «Теревинф», 1987

ISBN 978-5-91349-061-2

Первая из двух повестей автора, посвященных детству и боевой юности Аркадия Голикова – будущего писателя Аркадия Петровича Гайдара, тому легендарному периоду его жизни, о котором А. Гайдар сказал: «Это была обыкновенная биография в необыкновенное время».

УДК 82

ББК 84

ISBN 978-5-91349-061-2

© Камов Б., 1987
© Теревинф, 1987

Содержание

Загадки «обыкновенной биографии»	6
Часть первая	8
Первое потрясение	8
«...Собственность князей Голицыных»	12
Побег	14
Проклятая дочь	19
Проба сил	22
Мамина школа	25
Робин Гуд из реального	28
Дипломат	31
Решительность	35
Галкинская академия	38
Часть вторая	48
Необыкновенное время	48
«Понемногу стали они доверять мне»	51
Жаркая осень	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Борис Камов

Мальчишка-командир

© Детская литература, 1987

© 2-е изд. (эл.). Агентство электронных изданий «Интермедиатор», 2018

Загадки «обыкновенной биографии»

Никогда писатель не выдумает ничего более прекрасного и сильного, чем правда.

Ю. Тынянов. «Автобиография»

Трудно писать о том, что известно всем. А у нас любой школьник знает, что Аркадий Петрович Гайдар в 15 лет командовал ротой.

И хотя нам нелегко представить, что Николай Ильич Подвойский, один из руководителей штурма Зимнего, а летом 1919-го нарком по военным и морским делам Украины, вручил пятнадцатилетнему Аркадию Голикову диплом красного командира и прямо с парадного плаца послал во главе взвода курсантов на передовую, – все равно этим фактом сегодня никого не удивишь.

Однако тут есть над чем задуматься. В детстве Аркадий Голиков даже не мечтал быть военным – он хотел стать матросом: его влекла романтика странствий, манили далекие континенты.

Весной 1917 года тринадцатилетний Аркадий впервые пришел в клуб большевиков. Там он застал других, более взрослых мальчишек. Им доверяли серьезные задания, а Голиков стал посыльным: сбегать туда-то, отнести то-то, вызвать того-то. И для тех, кто помнил Аркадия как мальчика для поручений, его последующий стремительный взлет стал полной неожиданностью.

В том, что четырнадцатилетнего Аркадия Голикова зачислили в Красную Армию и вскоре назначили командиром, много случайного. Не было случайностью только одно.

Шла гражданская война. Голиков часто попадал в опасные, порою безвыходные ситуации, где только от него зависело не погибнуть самому и не дать погибнуть другим. Но каких бы усилий ни потребовали обстоятельства, всякий раз обнаруживалось, что нравственно, интеллектуально и физически Голиков был к ним готов.

И это первая загадка.

Из дневников А. П. Гайдара видно: в дни своей боевой юности он встречался с Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетисом, выдающимся полководцем революции командармом М. Н. Тухачевским, с прославленным героем гражданской войны комбригом Г. И. Котовским.

Вацетиса, Тухачевского и Котовского пятнадцати-семнадцатилетний Голиков не просто видел (как В. И. Ленина издали, а М. В. Фрунзе вблизи, но мельком). С этими крупнейшими военачальниками Аркадий Голиков встречался по службе, он вместе с ними работал. Равно как с командующим войсками по охране железных дорог Республики Е. О. Ефимовым и с командующим Орловским военным округом А. К. Александровым.

Разумеется, Голиков был много моложе, а должности, которые он занимал, менее высокими. И все равно это были крупные должности: командир полка, командующий боевым участком, начальник боевого района...

Мальчишка-командир был наделен большими полномочиями. Его право в 17–18 лет занимать такие посты каждый раз подтверждала Москва. И здесь, наверное, кроется вторая загадка.

«Все это странно, но все это было», – заметил Гайдар в автобиографии 1929 года.

«Это была обыкновенная биография в необыкновенное время», – написал позже.

Время действительно было необыкновенное. Революция нуждалась в отважных и талантливых людях. Она таких людей искала, находила и выдвигала, не смущаясь их молодостью,

недостаточным образованием или дворянским происхождением. Революция требовала только верности трудовому народу и пригодности к делу.

У Голикова были все основания стать военным деятелем большого масштаба.

Но его дальнейшей службе помешала тяжелая контузия. И хотя руководство Вооруженных Сил Республики и председатель РВС СССР М. В. Фрунзе приложили много усилий, чтобы талантливый командир выздоровел и остался в рядах Красной Армии, неизлечимая болезнь прервала военную карьеру А. П. Голикова.

Под именем Аркадия Гайдара он стал выдающимся писателем и педагогом и героически погиб в октябре 1941-го.

В этой повести рассказано о главнейших событиях первых семнадцати лет жизни Аркадия Петровича Гайдара – не для восторженного умиления, а для уяснения того, как формировался его характер и складывалась его личность. Ведь та-кие могучие, многогранно одаренные натуры были нужны всегда.

Особенно они нужны сегодня.

Часть первая Посеешь характер

Первое потрясение

Обжигаясь и морщась, Аркадий допил из блюдечка чай и взглянул на часы. Это были старинные часы в деревянном футляре фирмы «Мозер». Они висели на стене и отщелкивали секунды массивным круглым маятником. Стрелки показывали без десяти минут девять.

«Опозываю!» – испугался мальчик. Он сунул в рот тонкий ломтик хлеба, который еще оставался на тарелке, вскочил со стула, сорвал с вешалки сизую форменную шинель с рыжеватым, канареечным кантом, нахлобучил фуражку с гербом, схватил тяжелый, с вечера приготовленный ранец и выбежал на улицу.

Прощаться было не с кем: мама еще не вернулась с дежурства, сестры спали, а тетя Даша затемно ушла занимать очередь.

Аркадий пробежал по Новоplotинной, возле несуразного деревянного дома с колоннами повернул направо. Бежать оставалось минуты две или три, но мальчика удивило, что он не встретил по дороге ни одного реалиста.

«Опоздал!» – понял Аркадий.

Справа появилось массивное трехэтажное здание реального училища. Обычно перед началом занятий у входа целое столпотворение. А сейчас у подъезда было пусто.

«Запишут в балльник!» – с тоской подумал мальчик. – «Снизят отметку за поведение». С этой мыслью он потянул на себя тяжелую дверь, ворвался в вестибюль, сбросил на пол ранец, кинул на деревянный барьер гардероба шинель и фуражку и... обмер. Вешалка была пуста.

– Доброе утро, – услышал Аркадий и обернулся: по коридору шел училищный сторож, он же гардеробщик дядя Иван. – Видать, вы сегодня дежурный?

Мальчик взглянул на часы – шестиугольные, в деревянном футляре – под самым потолком. Они показывали без пяти минут восемь.

– Да, дежурный, – машинально повторил Аркадий, обрадованный и огорченный: дома часы ушли вперед больше чем на час. И он не опоздал. Но что же делать целых шестьдесят минут?

Аркадий поднялся в класс (на дверях висела табличка «1 класс – основной»). Сунул ранец в ящик парты, открыл форточку. Сидеть и читать в громадной пустой комнате не хотелось. Аркадий вышел из класса к просторной лестнице с широкими гладкими перилами. Сам он на них кататься еще не пробовал, но видел, как лихо это делали другие. Ухватившись рукой за балясину, сел на перила боком, слегка наклонился в сторону ступеней, чтобы не свалиться в пролет, разжал пальцы и стремительно заскользил по широкому брусу.

«Будто по воздуху!» – восторженно подумал он.

Но скорость нарастала. Аркадий потерял ориентировку. И ему показалось, что он оторвался от перил и летит в пролет. И не за что было ухватиться и нечем задержать или замедлить падение. Он уже горько жалел, что соблазнился, и с ужасом ждал неминуемого удара.

Тут перила кончились, и Аркадий в самом деле очутился в воздухе, но свободный полет не доставил ему радости – он только усилил страх и ожидание беды. Когда же ноги Аркадия коснулись лестничной площадки, он поскользнулся, не устоял и пребольно шлепнулся на мрамор.

Напуганный тем, что случилось, а еще больше тем, что могло случиться, испытывая легкое обалдение от небывалой скорости, мальчик не спешил вставать, а когда наконец чуть

повернулся, чтобы подняться, то увидел рядом со своим лицом идеально отутюженные брюки, темную полу форменного мундира и услышал спокойный, размеренный голос инспектора, приводивший в трепет даже дерзких старшеклассников:

– Голиков, на два часа без обеда.

...Его наказывали впервые. Целый день на уроках он был не в себе. Отвечал невпопад, нахватал троек. А после занятий спустился вниз, в вестибюль, и сел на лавку для наказанных. Она стояла справа от лестницы, той самой, на перилах которой он так неудачно прокатился. И каждый, кто уходил домой или открывал дверь в училище, видел прежде всего скамью и провинившихся. И мальчик не знал, куда деться от любопытных, равнодушных, злорадных и сочувствующих взглядов.

На лавке, изрезанной перочинными ножами, Аркадий сидел с рыжим второгодником из третьего «А» (который на уроке математики нарочно облил чернилами новый костюм соседа, с величайшим трудом купленный матерью-вдовой) и чернявым, быстрым в движениях пятиклассником. Даже здесь, под лестницей, пятиклассник улыбался загадочной опасной улыбочкой: на лавку он попал «за избиение инородца».

Переговариваться наказанным не позволяли: за этим следил сторож, да Аркадию и не хотелось беседовать со своими соседями. Он изнемогал от стыда и мысли: «Как я расскажу об этом маме? И напишу папе?»

Отца Аркадий помнил столько, сколько помнил себя. Это был самый близкий ему человек. Но, часто думая о нем последнее время, Аркадий прежде всего переносился мыслью в паляще жаркий день, на громадную площадь возле Воскресенского собора. Это был величественный пятиглавый храм, воздвигнутый жителями Арзамаса в честь победы России в Отечественной войне 1812 года.

Аркадий смотрел на родное лицо: на высокий шишковатый лоб, глубоко посаженные смелые глаза, аккуратно постриженные, рано седеющие бороду и усы – и не верил, что перед ним отец. Вместо сшитого у лучшего портного костюма с белоснежным бельем и галстуком на Петре Исидоровиче была застиранная гимнастерка, перетянутая кожаным ремнем. Поверх гимнастерки – распахнутая, выдававшая виды шинель, а жаркую серую папаху Петр Исидорович сдвинул на самый затылок. И все равно по лбу и щекам его текли ручейки пота: был август 1914 года.

У ног Петра Исидоровича лежал вещевой мешок, а сильной рукой с тщательно подстриженными ногтями Петр Исидорович держал ствол обшарпанной винтовки со штыком. В другое время Аркадий давно уговорил бы отца дать ему подержать винтовку, но сейчас мальчику было не до этого. Не сводя глаз с отца, словно пытаясь наглядеться надолго вперед, он помимо своей воли видел и слышал, что происходит вокруг.

В воздухе висели плач и стон. Один совсем молодой солдат, высокий, в короткой шинели, идя рядом с плачущей женой, не выдержал, сомлел – закатил глаза и опустился на брусчатку. Парня тут же отнесли к порталу собора в тень, а его жена, повязанная ярким праздничным платком, стала еще громче плакать и кричать:

– Не пуцу, нечего тебе там делать!

«Там» – это она имела в виду войну.

В полу шинели другого солдата, лет тридцати, с расчесанной бородою, вцепились двое детишек – стриженный под горшок мальчик и девочка в сарафанчике. Мальчик скрутил жгутом край шинели и повторял:

– Папка, идем домой! – и напрягался в надежде сдвинуть отца с места.

– Да нельзя мне уходить, Петюня, – виновато отвечал отец. – Вишь, какое дело – немецкий, значица, царь обидел нашего. Вообще-то они братья, но немецкий, вишь, перестал нашего уважать... – И слезы блеснули в его бороде. И было непонятно: а где же у этих ребят мать?

А на другом конце площади крики сливались с конским ржанием. И Аркадий увидел, как двое солдат местного гарнизона, которые явно не собирались уезжать на фронт, тянут за узду высокого белой масти жеребца, а старуха за ту же уздечку тянет коня к себе, крича:

– Не дам родимого кормильца!

Конь испуганно ржал и косил на хозяйку синий, налитой кровью глаз, словно прося не отдавать его солдатам.

– Папа, скажи, чтобы они отпустили коня, – взмолился Аркадий.

– Коня ведь тоже берут на войну, – глухо ответил отец, обнял сына свободной рукой за крепкие, еще не развитые плечи и повернул лицом к себе. – Я вот что хочу сказать: ты теперь единственный мужчина в доме...

– Но ты же скоро вернешься, правда?

– Я постараюсь. Но пока меня нет, носи воду, коли дрова, не жди, пока тебя попросят. Все равно, кроме тебя, эту работу делать некому. Береги маму – она теперь единственная кормилица... Не позволяй обижать сестер... И как только появится свободная минута – пиши мне. – И он отвернулся, выпустив плечи сына, и закашлялся, будто ему в горло попала мошка.

Наталья Аркадьевна с девочками и тетя Даша (она приходилась отцу двоюродной сестрой и уже давно жила в семье) остались дома. Отец не хотел видеть слезы на всегда оживленном и красивом лице жены и не мог слышать ликующий голос маленькой, ничего не понимающей Катюшки. Ей понравилась военная форма отца, и она восторженно повторяла:

– Папка – солдат! Папка – солдат!

Петр Исидорович разрешил идти на площадь только Аркадию. И теперь отчаяние и горе душили мальчика.

Сквозь плач и крики прорвалось: «...и-ись!» Отец на минуту передал винтовку Аркадию, неловко закинул за спину увесистый мешок. Вещи в нем были уложены неумело, и мешок топорщился. Отец поспешно и уже отрешенно поцеловал мальчика.

Аркадий ощутил сухость горячих, обветренных на солнце губ, непривычную колючесть плохо выбритых влажных щек.

Снова над площадью пронеслась команда: «Становись!» Отец схватил винтовку, еще раз прижался к лицу Аркадия кольнувшей щекой и побежал. Мешок нелепо прыгал у него на спине, а приклад в ритм шагам хлопал его по бедру. Прежде чем встать в строй, отец обернулся, ища сына, но уже не разглядел его в толпе. Зато Аркадий не выпускал из виду серую папаху и горловину мешка на спине Петра Исидоровича.

Пожилой полковник с белым крестиком на шее, стоя на кожаном сиденье пролетки, махнул платком. Рывкнул оркестр. Колонна тронулась. Отец, запоздало качнувшись (он опять оборачивался), двинулся со всеми. Следом за колонной рванулась толпа.

Аркадий надеялся, что толпа через минуту поредеет и он догонит отца и пойдет с ним до станции рядом. Но плачущие женщины, ковыляющие старухи, откормленные и откупившиеся от армии сидельцы¹, желавшие показать свой патриотизм, бежали, ничего не видя, мешая друг другу и закрывая локтями и спинами путь мальчику.

Один призывного возраста купчик в новом картузе толкнул Аркадия и сбил его с ног. Мальчик упал. Его могли затоптать, но он с такой силой испуганно крикнул: «Папочка!», что толпа шарахнулась, мальчик вскочил, еще не чувствуя боли в разбитых коленках.

Голова колонны с оркестром выплыла на Прогонную улицу, которая вела прямо на вокзал. Здесь толпа на минуту остановилась. Аркадий поднырнул под чьи-то руки, пробежал несколько метров вдоль колонны – и опять увидел отца.

¹ С и д е л е ц – продавец, приказчик в лавке состоятельного купца. Часто сидельцами становились родственники хозяина. Располагая капиталом, купцы за взятку воинскому начальнику нередко освобождали от службы в армии своих сыновей и близких.

– Папа! – закричал он.

Отец не обернулся. А подойти ближе Аркадий не смог. Так он бежал до вокзала, где провожавших от новобранцев отсекло оцепление. Понимая, что через секунду-другую голову и спину отца с нелепым мешком заслонят, Аркадий в отчаянии подумал: «Неужели?! Неужели его могут убить?» – и зарыдал в голос, но в грохоте медных труб и общем плаче его никто не услышал.

«...Собственность князей Голицыных»

С вокзала Аркадий вернулся хмурый и повзрослевший. Он вытер нос Талке – Наташе, дал леща глупой Катюшке, которая не уставала радоваться тому, что ее «папка – солдат». Наталья Аркадьевна была опять на дежурстве. Тетя Даша вышла к соседям. Аркадий жаждал деятельности. Он взял ковшик воды, побрызгал на пол и принялся подметать.

– Что ты делаешь! – закричала Галка. Она была младше брата на год. – Нельзя сегодня мести. Папа не вернется.

– Я не верю предрассудкам! – ответил Аркадий. – Так меня учил папа.

Но когда все легли спать, тревожные мысли вернулись к нему. Отец был его самым лучшим другом. Охотно отвечал на любые вопросы. Никогда не сердился. Если Аркадий приходил с улицы мокрый или избитый, отец не ахал, как тетя Даша, и не говорил: «Зачем ты туда полез?», как мама, а внимательно выслушивал.

Если оказывалось, что драки избежать было нельзя, но Аркадий при этом не струсил или что Аркадий нарочно свалился с плота в пруд, чтобы в воду не упал Колька, которого родители наказывали розгами, когда он возвращался домой мокрым, отец сочувственно вздыхал, обнимал сына за плечи и вел к умывальнику или помогал переодеться в сухое. А вечером терпеливо объяснял, что произошло, матери.

– Петя, почему ты Аркадию все прощаешь? – спрашивала Наталья Аркадьевна.

– Жизнь любого мальчика, Наташа, трудна и полна опасностей, – отвечал отец. – И не надо ее бессмысленно усложнять. Ребенок должен знать, что хотя бы дома он найдет понимание и защиту.

Сам Петр Исидорович лишился поддержки близких очень рано. Отец его, Исидор Данилович, родился крепостным. По «ревизским сказкам» семья Голиковых из поколения в поколение считалась «собственностью князей Голицыных». В 18 лет Исидора Даниловича забрали в армию. Там застала его реформа 1861 года, которая отменила на Руси крепостное право, но не отменила каторжную солдатчину. Исидор Данилович отбухал 25 лет – день в день – без наград и повышений. А возвратясь в 43 года в Щигры, женился и занялся щепным промыслом – вырезал из дерева ложки, кружки, миски, скалки для белья, но особенно славились его прялки с изящным узором, который почти никогда не повторялся.

Сын Петр легко перенимал навыки и секреты ремесла, начиная кое в чем превосходить отца. Исидора Даниловича это радовало. Он мечтал, что с таким помощником семья вырвется из бедности и обретет устойчивый достаток.

Но Петр захотел учиться. Он успешно закончил Щигровское уездное училище, затем сельскохозяйственную школу при сахарном заводе. Преподаватели отмечали его исключительные способности и советовали продолжать образование. Петр стал мечтать о том, чтобы поехать в Курск, поступить в учительскую семинарию. Возможно, и на этот раз старый Исидор Данилович нашел бы средства, но он понял, что Петр к щепному промыслу больше не вернется. И в деньгах сыну отказал.

Петр Голиков выдержал конкурс – пять человек на место – и поступил в учительскую семинарию. За письменную работу по математике ему одному поставили пятерку. А средств не было. Зарабатывал чем мог: колол-пилил с приятелем дрова, разгружал вагоны, давал частные уроки, но жил впроголодь.

Как репетитор Голиков вскоре получил известность, его часто звали к обленившимся балбесам, однако платили мало, и он, случалось, предпочитал, взяв с собой кусок хлеба, провести полдня в библиотеке, чем тащиться пешком через весь город, чтобы заработать полтинник.

Читал он быстро и жадно, выбирая книги по заранее составленному списку. Его ненасытный цепкий ум и могучая крестьянская память мгновенно все схватывали, а по дороге домой он неторопливо осмысливал поступки и суждения людей, о которых только что читал.

Петр спал три-четыре часа, с великой тоской думая, что знает пока мало, а в глуши, где придется работать, разве найдешь нужную книгу?

Больше всего на свете Петр Голиков хотел учить детей.

Аркадий помнил: отец приехал однажды со службы на извозчике и взял с сиденья стопку толстых, тяжелых книг, завернутых в плотную бумагу. Книг в доме всегда было много, в том числе и детских, но покупка каждой новой становилась событием – Аркадий и девочки ее листали, разглядывали, и нередко после ужина родители читали только что приобретенную книгу вслух.

Аркадий развязал привезенный отцом пакет. В бумаге лежали шесть томов книги «Великая реформа», посвященной пятидесятилетию освобождения крестьян по манифесту 1861 года. На самом деле «Великая реформа» была историей крепостного права в России.

Аркадий часто потом рассматривал в ней картинки и читал по слогам подписи к ним. Так он впервые узнал о Салтычихе, которая была обвинена в убийстве 75 своих крестьян; об экомке графа Аракчеева Настасье Минкиной – она жгла утюгом лица горничных; о помещике, который приговаривал своих крепостных к 5000 ударам розгами... Из «Великой реформы» узнал Аркадий впервые о Степане Разине, который стал вождем обиженных, поднял народ против помещиков и царя. Степана Разина поймали, обманом привезли в Москву, пытали, а он не проронил ни звука.

Аркадий с трудом дождался прихода отца, чтобы рассказать о стойкости Разина.

– Сейчас иди спать, – ответил отец, помолчав. – А завтра я тебе кое-что покажу.

– Петя, ну зачем ребенку такие страсти? – вмешалась Наталья Аркадьевна.

– Если у людей достало мужества все это вынести, – ответил отец, – то пусть Аркаша хотя бы посмотрит, где это происходило.

Петр Исидорович поднял мальчика на рассвете, и они вышли из дома. Стояла осень. Осыпалась листва, раскисли дороги, глина прилипала к подошвам ботинок. Отец и сын шли на дальнюю окраину города – к Ивановским буграм. Здесь вдоль проселка через каждые двадцать – тридцать метров белели часовенки, похожие на маленькие игрушечные дома. Стены их покрывали рисунки, которые изображали казнь и муки Иисуса Христа. У некоторых часовенок догорали с вечера поставленные свечи.

– Разин и восставшие крестьяне шли брать Москву, – сказал отец. – Но сначала им нужно было взять Арзамас. И под Арзамасом их разбили. Многие попали в плен. Схваченных разинцев привозили сюда, на Ивановские бугры, и вешали. Всего тут было казнено одиннадцать тысяч. На тех местах, где стояли виселицы, и построили эти маленькие часовенки.

Петр Исидорович нагнулся и поднял комок красноватой глины.

– Говорят, что раньше тут глина была желтой, а красной она сделалась после того, как здесь погибло столько народу.

– Папа, – испуганно спросил Аркадий, – а если бы не отменили крепостное право, ты бы тоже был крепостным?

– Конечно.

– Ия? Нет, я не мог быть крепостным – моя мама дворянка!

– Если бы я остался крепостным, а мама вышла за меня замуж, – ответил отец, – она бы тоже стала крепостной. Таков был закон.

После посещения Ивановских бугров Аркадий долго ходил молчаливым и вскрикивал во сне.

Побег

Приходя после школы домой, Аркадий кричал с порога:

– Тетя Даша, письмо от папы есть?

Если письмо его ждало, кидал ранец, садился прямо у порога и читал. Петр Исидорович сообщал, что служит под Ригой в резервном полку, их учат разным солдатским премудростям – ходить строем, разбирать винтовку, копать окопы, так что здесь он застрянет надолго. Аркадия это радовало: значит, опасность отцу пока не угрожает. И мальчика начали волновать другие проблемы.

«Папочка, – писал он, – я знаю, что некоторые присылают винтовки с фронта в подарок кому-нибудь, как это делается? Может, можно как-нибудь и мне прислать? Уж очень хочется, чтобы что-нибудь на память о войне осталось»².

Всегда внимательный к просьбам сына, отец на это письмо не ответил. Зайдя однажды к соседям, Аркадий увидел на подзеркальнике в прихожей открытку: Петр Исидорович сообщал друзьям, что из резервного полка, где он находится, отбирают добровольцев на передовую. «Шлю свой привет, – заканчивал он, – и бог весть, не последний ли?»*

Аркадий замер. Этого отец домой не сообщал. Так вот с какими мыслями он там живет! Аркадий был ошеломлен. Он сунул открытку в карман: в конце концов, она прислана его папой. Ночью Аркадий долго не спал, а к утру принял решение.

Мальчик потихоньку стал копить деньги, которые мать давала то на тетради, то на кинематограф. Купил карманный фонарик с запасной батареей, складной ножик. Два рубля у него еще осталось. И он прикинул, что на дорогу до фронта ему вполне хватит.

Для окончательных сборов Аркадий выбрал такой вечер, когда мать дежурила в больнице. А то у нее была опасная привычка: мельком взглянув в глаза, она мгновенно угадывала все тайные мысли, садилась рядом, обнимала своей теплой, мягкой рукой и говорила:

– Выкладывай, мой мучитель, чего ты там уже опять придумал?

И приходилось выкладывать, потому что перехитрить маму не было никакой возможности.

А тут матери дома не было. Тетя Даша укладывала малышек. И Аркадий завел беседу с Наташей.

– Понимаешь, Галочка, начались дожди, а папа сидит в сырых окопах. Наверное, даже с мокрыми ногами. И возле него ни одной родной души. Понимаешь?

Галочка ничего не понимала, но глядела на брата восхищенными и благодарными глазами: Аркаша никогда с ней так серьезно не говорил.

– Не огорчай маму и чаще пиши папе, – наставлял он ее.

Девочка кивала: она была послушной сестрой.

Проснулся Аркадий рано.

– Я сегодня дежурный, – объяснил он тете Даше.

Позавтракал, поцеловал спящих сестренку, долго в прихожей целовал тетю Дашу (она была тронута неожиданной нежностью) и, схватив ранец, выбежал на улицу.

День был холодный: ночью моросил дождь. Аркадий повел плечами, застегнул шинель на верхнюю пуговицу. И пошел – только не направо, к училищу, а налево, к перелеску, возле которого было кладбище.

Аркадий не боялся могил – этому его тоже научил отец. Мальчик прошмыгнул среди крестов и памятников, отыскал заранее выбранный, давно заброшенный склеп, потянул на себя чугунную дверцу, не глядя сунул в темное отверстие ранец с книгами и тетрадями – и побежал

² Здесь и дальше подлинные письма и документы отмечены звездочкой.

дальше. Он хотел до обеда, в крайнем случае до вечера, пока в окопах не лягут спать, попасть на фронт.

Вскоре он был на вокзале и прождал часа полтора, пока не остановился воинский эшелон. Из теплушек начали выпрыгивать солдаты с чайниками и котелками. Солдаты бежали к большим медным кранам, которые торчали из стены пристройки с надписью «Кипяток».

Аркадий не стал никого ни о чем спрашивать: ему и так все было ясно. А кроме того, опасался: если он будет задавать вопросы, то его примут за немецкого шпиона. Газеты сообщали, будто развелось их очень много, и призывали разоблачать вражеских агентов.

Гуляющей походкой Аркадий прошел к последнему вагону. Двери в нем были наглухо заперты, но зато имелась открытая с двух сторон тормозная площадка. Когда ударил станционный колокол, Аркадий стремительно поднялся на площадку, присел на корточки и прижался спиной к стене вагона.

Паровоз гуднул, эшелон дернулся, и Аркадий подумал, что самое трудное позади. Но машинист, казалось Аркадию, трусил и не спешил на передовую. Состав подолгу останавливался на безымянных полустанках. А если трогался опять, то эшелон мог обогнать и ребенок.

Ветер продувал площадку, где не было даже угла, чтобы спрятаться. Аркадий начал замерзать. Согревался он только тем, что, держась за борт с сигнальным красным фонарем, попеременно крутил руками. На короткое время становилось теплей, а потом Аркадий снова начинал замерзать.

Наконец состав набрал скорость. Мимо тормозной площадки пробежали и лес, и сторожки стрелочников, и деревушки, которые выглядели совершенно пустыми.

Небо хмурилось, накрапывал дождь. Аркадий начинал коченеть. По его расчетам давно пора было появиться фронту, но не слышалось ни орудийного грохота, ни стрекота пулеметов, а настоящие аэропланы не летали, видимо, из-за плохой погоды.

Стемнело. От усталости и холода мальчика начало клонить в сон. И он с беспокойством подумал: «А как я буду спать? Чем укурюсь?»

К счастью, эшелон замедлил скорость и остановился. «Уже фронт!» – обрадовался мальчик. При слабом свете керосиновых фонарей Аркадий прочитал на деревянном строении: «Кудьма». Название показалось знакомым. Оно вроде бы встречалось в военных сводках.

Солдаты опять стали выпрыгивать без винтовок, но с чайниками. «Нет, еще не доехали», – с сожалением понял Аркадий. У него чайника не было, но хотелось есть и пить. «Добежать до буфета? А если не успею обратно?» И он решил перетерпеть, но послышался размеренный металлический стук: три удара, пауза, три удара, снова пауза, и у ступенек площадки появился измазанный копотью осматрщик вагонов. В одной руке он держал фонарь, в другой – молоточек на длинной рукоятке.

Осматрщик заметил Аркадия – чистенького, в гимназической шинели и фуражке.

– Тебе чего здесь надо? Нашел где баловаться, – сердито произнес осматрщик. – Увезет тебя поезд – узнаешь.

Аркадий соскочил с площадки, не чувствуя заолодевших ног. Обескураженный, он направился к зданию вокзала и сразу попал в буфет. Здесь было тепло. На прилавке громоздился медный, ведра на три, самовар. А за прилавком полный бритоголовый буфетчик с распаренным лицом накладывал двум офицерам в вощеные бумажные мешочки холодные котлеты и расстегаи. Получив деньги, буфетчик наклонился к Аркадию:

– Что для вас?

– Чай, котлету и булочку, – ответил Аркадий и, краснея, спросил: – А сколько это будет стоить?

– Пятьдесят копеек. Изволите взять?

– Изволю, – растерянно ответил Аркадий: его капитала могло хватить всего на четыре котлеты.

Он выложил серебряный полтинник, взял протянутую тарелку, стакан на блюдечке, все отнес к столику и принялся за еду. Аркадий мигом проглотил котлету, откусил булочку и стал запивать чаем. Тепло разлилось по всему телу. Захотелось спать.

В этот момент ударил колокол. «Поеду следующим, – вяло подумал Аркадий. – Утром». Раздался паровозный гудок, и состав поплыл мимо окон буфета.

Допив чай, Аркадий вошел в темный и тесный зал ожидания. Здесь было полно народу. Пахло потом, махоркой, но топилась печь, Аркадий отыскал на лавочке свободное место, сел, засунул руки в карманы и мгновенно заснул.

Он открыл глаза, когда уже было светло. Аркадий чувствовал себя отдохнувшим и бодрым. Народу за ночь прибавилось. Люди спали даже на полу. Осторожно ступая между спящими, мальчик вышел на улицу. Небо промыло ночным дождем, и светило солнце.

До фронта, по его понятиям, оставались сущие пустяки. И Аркадий похвалил себя, что остался ночевать: где бы он в темноте нашел на передовой папу?

Поскольку обедать он собирался на фронте, из походной кухни, то у того же буфетчика Аркадий взял стакан чая, два свежих бублика и в благодушном настроении расположился за столиком, где лежала только что принесенная газета «Нижегородский листок». Откусив бублик, Аркадий придвинул к себе «Листок», чтобы иметь исчерпывающее представление, как идут дела на фронте. И поперхнулся.

На первой же странице, среди маленьких, в черных рамках, объявлений о том, кто умер и где что продается, было крупно и броско набрано:

ПРОПАЛ МАЛЬЧИК, АРКАДИЙ ГОЛИКОВ. ПРИМЕТЫ: КРУПНЫЙ, СВЕТЛОВЛОСЫЙ, ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА, ДЛИННЫЕ РЕСНИЦЫ. НА ЛЕВОЙ ЩЕКЕ УЗКИЙ ШРАМ. ОДЕТ В ФОРМУ УЧЕНИКА РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА. НА ФУРАЖКЕ И НА ПРЯЖКЕ ПОЯСА БУКВЫ А.Р.У...

Испугавшись, что его задержат и вернут, Аркадий схватил с тарелки недоеденный бублик и поспешил на улицу. К станции подходил воинский эшелон. Однако, выскочив из буфета, Аркадий заметил на платформе жандарма, а чуть поодаль – второго. О том, чтобы сесть в поезд, не могло быть и речи.

«Пойду пешком», – решил мальчик. И пока жандармы его не заметили, шмыгнул за угол вокзала и заспешил по усыпанной углем дорожке в сторону ушедшего вчера поезда.

Дорожка сперва весело бежала вдоль полотна, потом вильнула в лесок, который делался все гуще. Аркадия это обрадовало: трудней искать, а потом, фронт на голом месте не бывает.

Между тем наблюдательный буфетчик обратил внимание, как переполошился мальчонка, взяв газету. В «Нижегородском листке» буфетчик без труда обнаружил объявление и выбежал на платформу, чтобы найти станционного жандарма, который уже имел секретное предписание «...задержать и немедленно доставить».

Пока буфетчик бестолково объяснял, что мальчонка без родителей вчера заказал котлету и булочку, а сегодня лишь два бублика и чай, но, как только подошел состав, сорвался и побежал, воинский эшелон тронулся. Жандарму было очевидно, что беглец уехал в этом поезде. И старый служака, придерживая шапку, побежал на телеграф.

Были подняты жандармы на всех последующих станциях, а воинский эшелон тщательно обыскали на очередной остановке, однако найти мальчика не удалось.

Тем временем Аркадий утомленно брел по лесу. Бублик давно был съеден. Во рту остался неприятный деревянистый привкус от найденных под дубами желудей. А фронта все еще не было. Дважды, полагая, что так он сократит путь, Аркадий куда-то сворачивал. Путь не становился короче, зато гуще делался лес.

Уже возникала мысль вернуться, но было стыдно. И потом, на станции, он помнил, стояли жандармы. А с жандармами у Аркадия издавна были натянутые отношения.

«Мама, расскажи мне что-нибудь про пятый год... – нередко просил он. – Тебе тогда уже много лет было, а мне всего год». И мама рассказывала, как жили они во Льгове, и забастовали рабочие сахарного завода, и мама с отцом прятали у себя подпольщиков и листовки, которые те приносили.

Однажды ночью нагрянули жандармы: офицер и несколько нижних чинов. Начался обыск. Шарили везде. «Офицер, – вспоминала мама, – этаким вежливый был. Пальцем тебя пощекотал, а ты смеешься. «Хороший, – говорит, – мальчик у вас». А сам, будто шутя, на руки тебя взял и между тем мигнул жандарму, и тот стал чего-то в твоей люльке высматривать.

Вдруг как потекло с тебя! Батюшки, прямо офицеру на мундир... Мундир новый – и весь насквозь: и на штаны попало, и на шашку. Всего как есть опрудил...»

Аркадий всегда весело хохотал. Мама столько про это рассказывала, что Аркадию казалось, будто он и сам это помнит. Больше того, он считал, что «опрудил» офицера вполне сознательно, – и добровольно идти к жандармам в руки не собирался.

Опять стемнело. Аркадий достал из кармана складной нож, отогнул самое длинное лезвие и включил карманный фонарь. По свету фонаря его и приметил лесник, который тоже возвращался со станции.

Лесник привел его к себе, жена покормила Аркадия и уложила спать на теплую печку. А рано утром лесник ушел и вернулся на дрожках с жандармом.

– Что ж ты натворил? – спросил старый добродушный жандарм, когда они отъехали от сторожки лесника. – Деньги, что ли, чужие взял?

– Ничего я не брал, – зло ответил мальчик.

– Куда ж ты бежал – и на поезде, и пешком?

– К папе на фронт – вот куда.

– Так фронт же, – захохотал жандарм, – совсем... совсем... в другую сторону!

...Когда Аркадия в сопровождении жандарма привезли домой, он больше всего боялся, что мама будет корить и плакать. Но Наталья Аркадьевна, узнав, куда и зачем он ехал, погладила его по стриженной голове и тихо сказала:

– Светлый мой мальчик!

Зато ему здорово досталось от учителя географии. Он вызвал Голикова к доске...

Из повести «ШКОЛА»

«– Тэк-с!.. Скажите, молодой человек, на какой же это вы фронт убежать хотели? На японский, что ли?

– Нет... на германский.

– Тэк-с! – ехидно продолжал Малиновский. – А позвольте вас спросить, за каким же вас чертом на Нижний Новгород понесло? Где ваша голова и где в оной мои уроки географии?.. Вы должны были направиться через Мо-скву... А вы поперли прямо в противоположную сторону – на восток... Садитесь. Ставлю вам два. И стыдитесь, молодой человек!»

...Следствием этой речи было то, что первоклассники, внезапно уяснив себе пользу наук, с совершенно необычайным рвением принялись за изучение географии, даже выдумали новую игру, называвшуюся «беглец». Игра эта состояла в том, что один называл пограничный город, а другой должен был без запинки перечислить главные пункты, через которые лежит туда путь...

Другим неожиданным результатом побега явилось то, что Аркадий в глазах реалистов сделался героем. На него приходили смотреть даже ребята из выпускного класса. На улице он нередко слышал за своей спиной: «Гляди, это Голиков, ну, который убежал к отцу».

Среди арзамасских мальчишек возникли даже споры: «А если бы он доехал до фронта – что было бы тогда?»

Скептики полагали: «Ничего бы не было: отослали бы его домой с другим жандармом». Но большинство считало, что Голиков на передовой себя бы показал: «Аркашка, он же отчаянный».

О своем неудачном побеге на фронт Аркадий Петрович Гайдар никогда не забывал. В иронических тонах он рассказал о нем в книге «Школа» и в автобиографиях. Вспомнил писатель об этом приключении, работая и над повестью «Тимур и его команда».

Когда товарищам стало известно, что Коля Колокольчиков собрался бежать на фронт, Тимур его предупредил: «Это затея совсем пустая... крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее».

Гайдар знал по себе, как сложна и опасна жизнь подростка на передовой, и надеялся, что в будущей войне взрослым на фронте не понадобится помощь детей. Но летом 1941 года события повернулись так круто, что Гайдари пришлось написать: «Ребята, пионеры, славные тимуровцы!.. Мчитесь стрелой, ползайте змеей, летите птицей, предупреждая старших о появлении врагов-диверсантов, неприятельских разведчиков и парашютистов. Если кому случится столкнуться с врагом – молчите или обманывайте его, показывайте ему не те, что надо, дороги...»

В дни Великой Отечественной войны дети – читатели Гайдара – совершили сотни героических поступков и многое сделали для нашей Победы.

Проклятая дочь

В окно тревожно и нетерпеливо застучали. Аркадий проснулся и услышал, как мама в соседней комнате соскочила с кровати, открыла форточку и привычно, негромко, ни о чем не спрашивая, произнесла:

– Да, да, сейчас иду!

И через несколько минут, поцеловав на прощанье сына, который встал ее проводить, с потертым саквояжем в руках ушла в ночь. Аркадий прижался лбом к стеклу, чтобы посмотреть, на чем уехала мама. За ней присылали фамильные кареты с гербами (экипажам было лет по сто!), извозничьи дрожки, крестьянские двуколки. Как-то ночью приехал единственный в городе автомобиль, который принадлежал инженеру Тренину, но чаще всего Наталья Аркадьевна уходила с провожатым пешком.

В семье Голиковых привыкли к ночным вызовам. Если присылали сторожа из больницы, это означало, что привезли тяжелую больную или кому-то стало хуже. А когда у флигеля останавливалась двуколка или сани, то это уже приглашали в дом. И как бы Наталья Аркадьевна ни была утомлена, она никогда не отказывала в помощи. Зато она раньше всех узнавала, у кого кто родился: Наталья Аркадьевна служила фельдшером в родильном отделении городской больницы.

Но случалось, что Наталья Аркадьевна не возвращалась домой день или два и присылала записку, чтобы не волновались. А потом приезжала без кровинки в лице, словно это ей была нужна медицинская помощь. Никого не замечая, точно лунатик, она мылась в кухне из тазика и брела спать. И Аркадий, если у него накапливались вопросы, открывал книгу и садился у порога маминой комнаты, под портретом Льва Толстого. Писатель был изображен босиком, в белой рубаше. Как только мальчик слышал, что мама проснулась (днем Наталья Аркадьевна долго никогда не спала), тут же к ней входил.

– Тебя кто-то обидел? – спросил он ее однажды.

– Почему ты так решил? – Она слабо улыбнулась.

– У тебя заплаканные глаза.

– У меня больная умерла.

– Из-за тебя?

– Нет, из-за Тимофея Ивановича, который оказался трусом.

– Трусы бывают только на войне.

– Трусы бывают везде – даже в больнице.

– А что случилось? Ворвались разбойники и он не заступился?!

– С разбойниками, может, и я бы справилась. А здесь требовалась операция. Он не решился ее делать, из-за этого умерли молодая женщина и ребенок, который должен был родиться.

Аркадий замолчал. Ему в ту пору было семь лет. И на думанье порой у него уходило много времени.

– А ты смелая? – спросил он внезапно. – Тогда почему ты не сделала операцию сама?.. – И он подозрительно, снизу вверх, поглядел ей в лицо.

– Я не умею. Я не врач, только фельдшер.

– Почему же ты не стала врачом? Ты ленилась? Не хотела учиться?

– Хотела. Но женщине в России невозможно стать врачом. И потом, у меня не было средств долго учиться.

– А твои мама и папа? Разве они о тебе не заботились?

– Заботились, когда я была совсем маленькой. Но мама давно умерла, а отец... Он меня проклял.

– В церкви? Он поп?

– Нет, он офицер. Я тебе как-нибудь расскажу. Сейчас не хочется.

...История эта началась давно, когда молодой поручик Аркадий Геннадьевич Сальков стоял со своей ротой в маленьком польском городке. В доме бедных дворян Бегловых, у которых он снимал квартиру, была красавица дочь. Поручик тут же без памяти в нее влюбился. Она – в него. Обоим вскоре стало очевидно, что жить друг без друга они не могут. Через месяц, в полной парадной форме, Сальков явился к родителям девушки просить руки. И получил отказ. Род Сальковых считался древним, но оскудевшим, а родители девушки желали для своей дочери более выгодной партии.

Несчастный поручик хотел застрелиться – на выручку пришли друзья. Невесту, с ее согласия, похитили глубокой ночью. Через два часа молодых обвенчали в сельской церкви. Однако романтическое венчание обернулось скандалом. Молодые поженились не только без согласия родителей невесты и жениха, но и без разрешения командира полка. А это грозило поручику отставкой.

Сальков был вызван для объяснений. Он приехал с женой. Войдя в комнату, где их ожидали полковник с супругой, Сальковы опустились на колени, как провинившиеся дети. Молодая была столь хороша, что порыв отчаянного поручика был понят, а сам он прощен.

Сальковы были совершенно счастливы. Даже скудость средств не сильно омрачала их жизнь. Вскоре родилась дочь Наталья, а когда девочке было пять лет, ее мать внезапно умерла.

Сальков снова хотел застрелиться, но его остановила мысль о дочери. И Сальков запил. Дом пришел в запустение. Наташа ходила по комнатам неумытая и голодная. И Сальков в антракте между двумя запоями женился на некоей Е. А. Шубинской. Как он уверял, «для блага дочери».

Мачеха оказалась настоящей мачехой. Сказки не ввали. В Киеве, в просторном доме, где теперь жили Сальковы, никогда не было порядка. Родились новые дети. Мачеха скандалила с отцом, и с молочницей, и с прачкой. Когда из гимназии возвращалась Наташа, раздавался крик:

– Ты почему опять так поздно?

Наташа нянчила по очереди малышей, водила гулять их на берег Днепра, рассказывала и читала сказки, просиживала ночи, если кто из них заболел, а утром бежала в гимназию.

Для домашних заданий оставалось два-три ночных часа. Выручали Наташу живой ум, дар сосредоточения, когда она целиком погружалась в то дело, которым занималась, и блестящая, стихами и песнями натренированная память, которая позволяла с лету запоминать услышанное и прочитанное.

Отец в отношении Наташи и мачехи не вмешивался. Возвратясь со службы, он обедал и запирался у себя в кабинете.

Наташа закончила гимназию с золотой медалью. Аттестат позволял ей преподавать в младших классах и делать независимой. Остаться нянькой и прислугой в доме, где она чувствовала себя чужой, Наташа не желала и ушла из семьи.

Вскоре Наташа познакомилась с Петром Голиковым. Он был старше ее на пять лет. Высокий, плечистый, спокойный, с красивым лицом, с пронзительными бесстрашными глазами, он занимался по восемнадцать часов в сутки, чтобы наверстать упущенное родом Голиковых за два столетия.

Петр был одержим фантастической по тем временам идеей – обучить грамоте всех крестьянских детей в России. Наташа готова была ему помогать. Вскоре Петр объяснился и сделал ей предложение. Наташа, вспыхнув, его приняла. Оставалось получить благословение родителей.

Отец и мать Петра были в восторге от выбора сына, но оба стеснялись Наташи: она им казалась барыней. И мать позволила себе поцеловать будущую дочку, одетую в строгое закрытое платье из кисеи, только в плечико.

Из Щигров под Курском Наташа и Петр отправились в Киев. Увидев старшую дочь после разлуки, штабс-капитан Сальков не потеплел. Глядя куда-то в сторону, спросил, зачем пожаловала.

– За благословением, папа.

Губы и нижняя челюсть Салькова задрожали. В глазах появились слезы. Он обнял дочь, расцеловал ее. Наташа, счастливая, ткнулась лицом в его грудь. Наконец он произнес:

– Показывай своего суженого.

Девушка кинулась на улицу: возле дома, волнуясь, прохаживался Петр.

– Идем, благословляет, – шепнула она ему, сияя.

Увидев жениха своей дочери, который приехал знакомиться не во фраке и атласном цилиндре, а в пиджаке и косоворотке, штабс-капитан почувствовал себя оскорбленным. Кровь кинулась ему в лицо. Однако был он человеком воспитанным. Не подавая руки, пригласил жениха сесть.

– Род ваших занятий, господин...

– Голиков... Петр Исидорович Голиков. Я учитель.

– Ваши средства? Доходы?

– Жалованье. Пока 25 рублей в месяц.

– Как же вы на восемь гривен в день собираетесь содержать семью?

– Я рассчитываю заняться переводами. И потом, Наташа будет работать.

– Моей дочери замуж рано: ей всего шестнадцать лет.

– Ты увез маму, когда ей было пятнадцать, – напомнила Наташа.

– Галочка, я подавал большие надежды. А на что смеет надеяться господин Голиков – на прибавку жалованья в десять рублей? И если ты, моя дочь, осмелишься... без родительского благословения... прокляну!.. И даже на могилу мою – не смей! – высоким фальцетом выкрикнул он, высоко подняв руку с нелепо торчащим указательным пальцем. И ушел из гостиной к себе в кабинет.

Наташа с Петром обвенчались без благословения отца и уехали в Львов работать в школе при сахарном заводе. Днем у них были уроки. Вечерами они готовились к занятиям, много времени отдавали самообразованию и были счастливы. Когда родился первенец, его в честь киевского деда называли Аркадием. А когда мальчик немного подрос, его и годовалую дочку Наташу повезли в Киев: Наташа Аркадьевна тосковала без отца, мучаясь происшедшим разрывом, и надеялась на примирение.

Маленький Аркаша был спокойным, рассудительным и приветливым ребенком. Впервые увидев дедушку, о котором мама так много рассказывала, мальчик тут же потянулся к нему. Дед нехотя взял его на руки, следя за тем, чтобы внук не испачкал ботиночками парадный мундир, и через минуту опустил Аркашу на пол. К внуку и даже к внучке – смешной, беспричинно веселой Галочке – Сальков остался внешне безразличен: или в нем говорила оскорбленная гордость, или родственные чувства Салькова ослабило повседневное потребление вина, из-за которого не удалась и его служебная карьера. Голиковы уехали обратно в Львов.

С той поры киевский дед в доме не упоминался. Лишь однажды вскользь Наташа Аркадьевна сказала сыну, что род Сальковых очень древний.

– Мой прадед был женат на дочке прадеда Михаила Юрьевича Лермонтова. Представляешь?

Но за Натальей Аркадьевной прислали экипаж – разговор прервался. Сколько потом Аркадий ни просил, к рассказу о дальних предках мать больше не возвращалась. Мальчик решил, что она пошутила. В семье Голиковых любили розыгрыши...

Проба сил

Аркадию нравились уроки словесности. Вел их Николай Николаевич Соколов. Выглядел он неприступно и строго: густые темные волосы, зачесанные назад, ровно подстриженные борода и усы, болезненно-бледное, словно истерзанное тайными муками лицо. Сквозь стекла пенсне внимательно смотрели редко улыбавшиеся, полные удивления глаза.

О Соколове говорили, что он объехал полсвета, побывал на Цейлоне, в Индии, в Китае, знал десять языков, мог преподавать в столичном университете, а выбрал Арзамасское реальное. Правда, училище имело добрую славу. Сюда приезжали учиться из многих городов. И конкурс каждый год был велик.

Случалось, на уроках Николай Николаевич рассказывал о своих путешествиях столько диковинного, что мальчишки просто досадовали, когда в коридоре начинал звенеть колокольчик. Разбирая на уроке то или иное художественное произведение, Николай Николаевич читал отрывки из него на память. Но особенно любил он беседовать о судьбах писателей.

– Дарование Александра Сергеевича Пушкина проявилось очень рано, – говорил Соколов на одном из занятий. – В Царскосельском лицее Пушкину была официально заказана ода для прочтения на экзамене по словесности. Лицей должен был посетить Гаврила Романович Державин, в ту пору первый стихотворец России. А с Николаем Васильевичем Гоголем все было иначе. Его первые литературные опыты стали мишенью для насмешек. Стихи Гоголя не принимали даже в рукописный журнал. В Нежинском лицее он так плохо учился, что педагогам не приходило в голову, что перед ними гениально-одаренный человек. Какую же работу над собой должен был проделать Гоголь, какой пришлось ему одолеть путь внутреннего саморазвития, чтобы заслужить своими повестями похвалу самого Пушкина, а после гибели Александра Сергеевича стать первым писателем России. Но с той далекой поры, когда его преследовали насмешки, у Гоголя осталась сутуловатость, точно он всегда спешил пройти незамеченным, – продолжал Соколов. – О нем говорили, что он ходит п е т у ш к о м...

После этого урока самого Николая Николаевича за каркающий смех и подпрыгивающую походку прозвали Г а л к о й. Прозвище мгновенно закрепилось.

Однажды на уроке словесности у Аркадия возникла дерзкая мысль: «А не показать ли Николаю Николаевичу мои стихи?»

Сочинял он их давно. В доме всегда звучали песни и стихи. Вместо колыбельной мать напевала «У лукоморья дуб зеленый...», или «Горные вершины спят во тьме ночной...», или «Плакала Саша, как лес вырубали...». По вечерам родители частенько пели дуэтом «Дивлюсь я на небо...» и «Як умру, то похороните...». У отца был низкий, мягкий баритон. Его приглашали петь в церковь, обещали хорошие деньги, но отец не верил в бога, не любил попов и отказался. А Наталья Аркадьевна писала стихи к каждому семейному празднику и читала, когда все собирались за столом.

Года в четыре Аркадий сочинил свое первое стихотворение и тоже прочел за обедом в присутствии гостей. Получилось оно не очень складным. Однако Наталья Аркадьевна, слушая, беззвучно счастливо хохотала. Петр Исидорович улыбался, но был сдержан. А когда гости ушли, отец предложил:

– Давай, сынок, начнем учиться читать и писать, и тогда ты, надеюсь, будешь сочинять хорошие стихи.

Аркадий легко научился читать, гораздо хуже давалось ему письмо: доставало терпения выводить палочки и крючочки. Отец сердился. «Писать плохим почерком невежливо», – говорил он и купил учебник «Русские прописи». Но терпения у мальчика не прибавилось.

Тем временем Аркадий продолжал сочинять стихи. В доме их все знали наизусть, даже маленькие сестры. На рождество Наталья Аркадьевна подарила сыну альбом в сафьяновом переплете и вывела красивыми буквами на первой странице:

*Пусть разгорается ярким огнем
Божия искра в сердце твоём...*

Аркадий вписал в альбом свое новое стихотворение о мотыльке и вечером показал его отцу.

– Что же, – спросил отец, – ты советуешь всем порхать, как мотылек?

– Нет, – ответил мальчик, – я хочу сказать: лучше прожить короткую жизнь, но красиво.

Теперь Аркадию захотелось услышать мнение учителя. Нести сафьяновый альбом он не решился. И купил альбом поменьше, переписал в него десятка три стихотворений, которые ему самому нравились, и стал ждать удобного случая.

А тут на уроке Николай Николаевич объявил:

– Нынче у нас будет сочинение на свободную тему.

Каждый волен выбрать близкий ему предмет и описать его. Или изложить свои мысли по поводу дорогого ему лица или волнующего события.

Аркадий побледнел: судьба сама шла навстречу. В ушах зазвучало: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...» Аркадий почувствовал, как внутри возникло удивительное, ни с чем не сравнимое тепло. Оно разлилось по всему телу, от него запылало лицо, сделались горячими руки. В голове начали выстраиваться неведь откуда взявшиеся рифмованные строчки.

Аркадий обмакнул перо в чернильницу. И лишь только занес на бумагу первую вполне готовую строфу, в голове возникли новые четыре строчки, словно он сочинил их давным-давно, а сейчас только вспомнил. Он испытывал счастье и восторг. Глаза застилали слезы радости. Стесняясь их, мальчик хлюпал носом и делал вид, что это попала соринка.

Когда в коридоре залился медный колокольчик, Аркадию оставалось сочинить три последние строки. Но захлопали крышки парт, товарищи повскакали с мест – и вдохновение пугливо исчезло. Все нужные слова пропали. А те, что приходили в голову, негодились и не рифмовались.

Галка не стал ждать и ушел из класса. Что-то наскоро вписав, Аркадий догнал учителя в коридоре.

– Николай Николаевич, вот моя тетрадка.

Галка посмотрел своими широко открытыми удивленными глазами на Голикова: лицо потное, белесые волосы взъерошены, а ворот гимнастерки распахнут, словно Голиков целый урок возился с приятелями или играл в пятнашки.

– Хорошо, – ответил Галка и положил тетрадку поверх внушительной стопки.

Всю ночь Аркадий не спал, представляя завтрашний урок: Галка возвращает тетради и произносит незабываемые слова, которые со временем тоже станут стихами: «Старик, мол, Галка, нас заметил и, в класс входя, благословил...»

Словесность была предпоследним уроком. Аркадий извелся. На двух переменах он нарочно попадался на глаза Галке, но учитель был чем-то озабочен, на поклон Аркадия едва ответил. Оставалось ждать урока.

В класс Николай Николаевич вошел с журналом под мышкой и связкой тетрадей. Аркадий почувствовал, что от волнения его начинает подташнивать. Называя фамилии и отметки, Галка начал раздавать тетради, время от времени добавляя: «Неплохо, но жаль – много ошибок». Или: «Мне кажется, вы не до конца продумали свою тему. А начальная мысль у вас любопытная».

– Один из ваших товарищей, – наконец сказал Николай Николаевич, – написал свое сочинение стихами.

Класс с грохотом повернулся в сторону Аркадия, которому стало не по себе, словно он переел варенья.

– Факт весьма похвальный, – продолжал учитель, – ибо свидетельствует об известной начитанности и стремлении к творчеству. Но стихи пока что весьма посредственные. В них велико влияние доморощенной альбомной поэзии, а нужно побольше вбирать в себя классику. В любом, даже маленьком стихотворении должна присутствовать мысль. Так сказать, красная нитка... Что с вами, Голиков? Вам дурно? Принести вам воды?

– Не надо, благодарю, – ответил Голиков.

Галка пожал плечами.

– Возвращаясь к проблемам литературного творчества, хочу, господа, заметить, что пишущий должен быть готов к невзгодам. Я уже говорил, что Гоголь начинал с очень плохих стихов. Когда же приятели смеялись над ним, он отвечал: «Не робей, воробей, дерись орлом!» Это сделалось его жизненным девизом.

Но Голиков уже не слушал...

После занятий он отправился на берег Тёши. С обрыва река выглядела ленивой и грязной, словно все кожевники, сколько их было в городе, выплеснули в нее содержимое своих чанов.

Аркадий сбросил на землю свой ранец и вытряхнул на сухую Землю содержимое. Сначала он разорвал на клочки тетрадку со злополучным сочинением, а потом стал выдергивать страницы альбома, который приготовил для Галки и собирался передать после триумфа.

Пока Аркадий кромсал толстые, гладкие листы альбома, в глаза лезли строчки его виршей, и он морщился от их несурзности и корявости.

Ветер дул с реки. Ключки не желали лететь вниз, к воде, и усеяли все вокруг. Но это Аркадия уже не волновало. Он знал, что никто не станет их собирать и склеивать.

«Со стихами покончено, со стихами покончено», – повторял он. И вдруг почувствовал себя очень несчастным и побрел к матери в больницу.

...Этот случай Аркадий Голиков переживал долго и сохранил потом изнурительную способность помнить о былых неудачах во всей их ранящей остроте. Память о неудачах, полагал он, обходится дешевле новых неудач.

«Не забывать о красной нитке, – записал однажды А. П. Гайдар в дневнике. – Если я об этом забуду – горя мне опять будет немало»*.

Это было напоминанием о первом литературном поражении.

Мамина школа

Аркадий задумал научиться метко стрелять. Ружья у него не было. И он решил, что для начала подойдет и рогатка. Еще с лета у него валялась рогулина, а в школе он выменял за два патрона от австрийской винтовки изрядный кусок крепкой резины.

После уроков Аркадий смастерил отличную рогатку и отправился за дом, чтобы опробовать. Он забрался в дальний угол двора. Там, за дощатым забором, начинался соседский участок, на котором росла старая засыхающая береза. Аркадий уселся на заборе, вынул рогатку, заложил в ее карман круглый голыш, прицелился и попал прямо в середину ствола.

Довольный собой, зарядил опять – теперь уже плоским камешком. Прицелился, натянул резинку – камешек пошел точно в ствол, но в последний миг, вильнув, сделал изрядную дугу и с дребезгом влетел в стекло соседского дома. У Аркадия замерло сердце. В доме жили неприятные люди. Они скандалили из-за любого пустяка. А тут появился серьезный повод.

К счастью, никто не видел. Аркадий соскочил с забора, нырнул в дыру, которая выводила к прудам. Покрутившись часик вдали от дома, он как ни в чем не бывало отправился делать уроки. А когда вошел в квартиру, услышал, что все комнаты наполнены криком.

– ...Сегодня он выбил стекло, завтра – глаз, а послезавтра пойдет убивать из рогатки людей. – Э т о кричала соседка Евдокия Ивановна.

– Я пришлю вам стекольщика, – услышал Аркадий негромкий, усталый голос матери.

– Ах, нам еще и платить!

– Не беспокойтесь, я заплачу. А теперь извините – я вернулась с ночного дежурства.

Соседка стремительно прошла к выходу. Это была молодая, всегда неопрятно одетая женщина.

Мальчик повесил шинель, вытер ноги о коврик и с виноватым видом открыл дверь в родительскую спальню. Кутаясь в красный халат, мать лежала на кровати лицом к стене. Ноги ее были укрыты стареньким детским одеялом. Она не обернулась. И Аркадий на цыпочках вышел в столовую.

Весь вечер Наталья Аркадьевна не разговаривала с ним. Все в доме знали, что произошло, и даже Катюшка, самая младшая из сестер, смотрела на брата с осуждением. Ночью Аркадий не спал. Он прошел через кухню в столовую. Из-под двери материнской комнаты пробивался свет. Аркадий открыл дверь и остановился на пороге. Он думал, что мать читает, а она лежала в халате поверх неразобранной постели и смотрела безучастным взглядом в потолок.

– Мам, я ж не хотел, – испугался Аркадий. – И потом, Евдокия Ивановна не видела... И только по одному подозрению... А вдруг бы не я – все равно посылай к ней стекольщика?

– Мне жаль не рубль серебром, хотя деньги, ты знаешь, достаются недешево. Я потрясена, что сын мой – трус.

– Неправда, я не трус! Хочешь, я пойду один на кладбище?

– На беду нашу, трус. Иначе бы ты не позволил, чтобы дурно воспитанная женщина пришла кричать к тебе в дом. Смелый человек либо признается, что совершил дурной поступок, либо опровергает, если его необоснованно винят. А ты стоял в прихожей – и не признался, и не опроверг. И если теперь обтрясут на соседней улице яблоню или украдут с веревки белье, покажут на тебя. А когда ты станешь оправдываться, ответят: «Ты и в прошлый раз убежал».

Среди уличных мальчишек считалось доблестью напроказить и смыться. И лопухами обзывали тех, кто попадался.

Неудачника дома ждала порка. В семье Голиковых детей не били. После ухода отца на фронт Аркадия дважды сажали за провинность в чулан, но, что получится такой разговор из-за разбитого стекла, мальчик не ожидал.

– Мамочка, я не стану больше убегать. – Он кинулся к ней и ткнулся головой в ее полное плечо.

С того дня, если был в чем виноват, сразу шел и сознавался. Скажем, играют большой компанией в прятки, он забежит в чужие сени и нечаянно опрокинет молоко. Никто не видел и можно бы удрать, а он уже стучит в горницу и говорит: «Извините, я опрокинул кринку».

И вечером матери: «Прости, мамочка, но произошла неприятность».

Мать все равно бледнела. Продукты дорожали. Кринка молока стоила бог весть каких денег, но мать уже не плакала, не произносила обидных слов.

«Я все уладила, – говорила она ему час спустя. – Спасибо, что не пришлось краснеть».

И хотя было жалко отданной трешки или пятерки, а девчонки давно уже не пили свежего молока, Аркадий гордился, что мама его похвалила.

А через день-другой случалось что-нибудь еще. И он снова говорил: «Извините, это сделал я». И на него опять обрушивалась лавина обидных слов, но поступать иначе он уже не мог.

Приятели над ним, конечно, смеялись, Сами они, если что натворят, тут же удерут или изобразят благородное возмущение на лице: «Бог свидетель, это не я и не мы!» И набожные соседи, слыша такие клятвы, отступались. А хитрые приятели подмигивали Аркадию: «Учись, разиня. Видишь, ни шума, ни полтинников».

И сомнение медленно закрадывалось в душу Аркадия, но однажды он бесповоротно убедился в мудрости матери.

Начитавшись Фенимора Купера, Аркадий задумал сыграть во дворе в индейцев. В напарники он пригласил одноклассника Володю Тихонова. Сначала они смастерили копыя, затем луки и стрелы. Для стрел склеили из плотной бумаги колчаны. Оставалось соорудить головные уборы из перьев. И здесь им под руку попал нахальный, неизвестно чей петух, который каждый день приходил во двор, клевал корм из чужих кормушек и отвратительно орал, когда его гнали.

Чтобы проучить петуха, Аркадий с Володей расстелили возле кормушки сетку. Лишь только появился злодей, они дернули с двух сторон веревку, и петух очутился в ловушке. Мальчишки без зазрения совести надергали перьев из его хвоста. И головные уборы у них получились на славу. Три сине-зеленых, почти павлиньих пера выпросил себе Володя, зато Аркадию достались три огненно-красных, отливающих по краям желтым пламенем.

Под вечер, на закате, во внутренний двор, общий для нескольких домов, вышло отдохнуть много народу. Кто пил в тенечке под яблоней чай, кто читал газету и обсуждал вести с фронта. В этот момент молча появились два живописных индейца – в головных уборах из перьев, с луками, колчанами и копьями. Их лица, грудь и даже спины, несмотря на вечернюю прохладу, были расписаны акварельными красками. Ничего не объявляя, Аркадий и Володя начали игру, похожую на мимический спектакль.

Сначала они изобразили неподдельное горе по случаю того, что соседнее враждебное племя сожгло их вигвамы, а всех женщин и детей забрало в плен. Аркадий и Володя заметались в полном отчаяния танце. В нем были и горе, и скорбь, и клятва отомстить врагам...

В палисадниках уже никто не читал газет и не обменивался новостями. Лишь наиболее хладнокровные из соседей, не спуская глаз с необычного, красочного зрелища, продолжали отхлебывать чай из блюдец.

А Володя с Аркадием уже показывали, что они вышли на тропу войны и готовятся вступить в решительную схватку. Они поражали из луков цель – это был нарисованный на фанерном листе предводитель враждебного племени, похожий на училищного инспектора. Когда у них кончились стрелы, они метнули в ненавистное изображение копыя. И снова не промахнулись.

В этот момент хлопнула калитка и во дворе появилась Евдокия Ивановна – соседка, у которой Аркадий когда-то разбил стекло. Под мышкой она держала зловредного петуха. О том, что это ее петух, Аркадий не имел ни малейшего понятия.

– Что же такое творится на свете? – радуясь большому количеству зрителей, запричитала соседка и подбросила в воздух петуха. Тот неумело захлопал крыльями и с истошным криком, едва коснувшись земли, помчался прочь со двора, что не помешало присутствующим увидеть, что у него обкромсанный, совершенно куриный хвост. – Животную уже выпустить на свежий воздух нельзя?! – продолжала Евдокия Ивановна.

Зрители обоих импровизированных спектаклей еще не вполне разобрались в происходящем. А тем временем Володя, который взял себе индейское имя Бесстрашное Сердце, положил на землю лук и пустой колчан, пригнув голову, украшенную сине-зелеными перьями, бесшумным индейским шагом – с пяточки на носочек – направился к воротам. Здесь он бережно, чтобы не помять, снял с головы и положил на траву свой роскошный убор. Вежливо стукнула калитка. И донеслось, как – шлеп-шлеп-шлеп – кого-то уносят быстрые босые ноги. Это убегал, бросив товарища, бывший вождь индейского племени...

Сгорая от стыда за неожиданный скандал и трусость приятеля, Аркадий, не теряя достоинства, подошел к Евдокии Ивановне.

– Хвост вашему петуху ободрал я, – произнес он громко и внятно.

И под сочувствующими взглядами соседей Аркадий выдержал все, что обрушилось на его голову. А когда казалось, что крику не будет конца, он вдруг засмеялся. Он подумал, что через минуту крик все же кончится, а трусливый вождь Бесстрашное Сердце еще долго будет сидеть в своем двухэтажном вигваме и с замиранием ждать, когда эта женщина со своим бесхвостым петухом придет кричать и к нему.

Позднее Аркадий понял: преодолевая страх наказания, он научился побеждать в себе любой страх. Это не значило, что он перестал всего бояться. Просто у него появились выдержка и воля. Даже если Аркадий допускал серьезный промах, он теперь не слабел от испуга: «Ах, что мне за это будет!» – и не делал тут же нелепых, трусливых шагов, которые бы усугубили его вину. Он не боялся ответственности, но помнил, что за каждую оплошность придется отвечать. И это его порой удерживало от излишне лихих поступков.

...Сколько раз потом, стремительно взрослея, в обстоятельствах далеко не домашних, вспоминал Аркадий с благодарностью и нежностью маму.

Робин Гуд из реального

В училище в середине года приняли новенького – Костю Кудрявцева, высокого, худого парня с постоянно испуганным выражением лица. На все реальное это был единственный «мужик», то есть выходец из крестьянской семьи.

Костя с восьми лет помогал отцу: пас овец, колол дрова, косил, ходил за плугом, таскал тяжести – и самозабвенно любил стихи и песни. Костю заметил деревенский дьячок. Он обучил мальчика письму, чтению и счету, а затем уговорил Костиного отца отдать сына в реальное. «То будет второй Ломоносов!» – утверждал дьячок.

Кто такой Ломоносов, Костин отец не знал, но дьячка послушаться не посмел и отправился на поклон к брату-лавочнику. Тот жил в Арзамасе, своих детей не имел, приказчиков не держал: дорого, да и оберут.

Сначала Костин отец перетащил с воза в амбар овечью тушку, два мешка муки, бочонок меду, кадушку брусники, кадушку соленых грибов. Лишь после этого попросил о милости – приютить у себя Костю, если, даст Бог, примут мальчика в училище. Талант к счетному делу у него открылся, да и возраст немалый – тринадцать лет уже.

Городской брат, закусывая водку белыми грибочками, неторопливо прикидывал: Костя будет сидеть после занятий в лавке, при этом не украдет, не станет просить жалованья и не посмеет положить в рот за столом лишний кусок.

На этих условиях Костя и поселился у дяди, а в училище сразу сделался предметом для насмешек. Издевались над Кудрявцевым прежде всего «аристократы» – дети дворян, офицеров и состоятельных купцов. Во время урока такой «аристократ» стоял у доски, озираясь в ожидании подсказки. Если шла контрольная, шепотом умолял решить задачку. Но лишь только звенел колокольчик с последнего урока, «аристократ» выходил из подъезда, не торопясь, чтобы все видели, усаживался в конный экипаж, и бородатый слуга, торопливо прыгнув с облучка, укрывал ему ноги медвежьей полостью, хотя и пешком-то идти было пять минут.

Вокруг «аристократов» вились «подлипалы» – дети мелких торговцев, аптекарей, средней руки ремесленников, владельцев питейных заведений, коих в Арзамасе было не меньше, чем церквей. По наущению «аристократов» «подлипалы» издевались над беззащитными и делали вид, что помирают со смеху, заметив заплату на чьих-либо штанах. «Подлипал» этих звали еще «ухарями». Они-то и не давали проходу Косте.

«Заика! – кричали они ему. – Обезьяна!»

Со своей сутулой спиной и несуразно длинными руками Кудрявцев и впрямь был чем-то похож на обезьяну. Однажды Костя не выдержал:

– В-вы, м-маменькины сынки! П-походите за сохой от з-зари до з-зари, станете не только с-сутулым» – г-горбатыми!

Косте с его недетской силой, обретенной на крестьянской работе, с его цепкими, длинными руками, которые давали преимущество в драке, ничего не стоило проучить обидчиков, но он никогда этого не делал – робел.

Заметив как-то в коридоре, что «подлипалы» пристают к Косте, Аркадий бросил:

– Кто полезет к Кудрявцеву, будет иметь дело со мной.

– У-у-у, – не открывая рта, затаили «подлипалы». Но от Кости отстали.

Аркадий был невысок и худ: сквозь темную ткань гимнастерки проступали острые лопатки. И предупреждение могло бы вызвать улыбку, если бы у белобрысого, с оттопыривающимися ушами второклассника Голикова не было бы своей твердо сложившейся репутации.

В реальном помнили его побег на фронт. А кроме того, о нем точно было известно, что первым в драку он не полезет, но бить при нем слабого или безответного нельзя: заступится. Голикова били за это самого – не помогало. Его били опять...

По счастью, на книжном развале Голиков купил за двугривенный книгу про английский бокс. Прочитав ее, Аркадий вколотил над дверью в столовой гвоздь, повесил на него обмотанную веревкой подушку и начал трудолюбиво отрабатывать удары. Но подушка была слишком мягкой, и он стал вешать на гвоздь ранец. От ударов по тяжелому и жесткому ранцу обдирались и болели пальцы. Однако со временем Голиков к этой боли привык – зато удар получался точным и сильным.

Как-то после школы Аркадий бежал с кошелкой в лавку и увидел: возле духовной семинарии кучка реалистов-четвероклассников неторопливо тузит Псевича – болезненного и робкого мальчишку.

– Эй, вы, отпустите Псевича! – еще издали крикнул Аркадий.

На него не обратили внимания. А когда он подбежал, истязатели дружно оставили Псевича, который с ревом помчался домой, и накинулись на Голикова.

В первое мгновение он оробел. Мальчишки были явно сильнее, и потом, в руководстве по боксу говорилось о правилах борьбы с единственным противником. Но улица – не ринг. Аркадий бросил кошелку, занял исходную позицию – нога вперед. Левой рукой прикрыл грудь, а правой, для пробы, ударил снизу в подбородок рыхлого парня по фамилии Маслов, который явно был заводилой. Маслов не устоял и опрокинулся на спину. На Аркадия слева и справа кинулись двое других. Аркадий, присев, позволил им столкнуться, а привстав, ударил по скуле того, что оказался ближе, затем второго. Тем временем с земли поднялся Маслов. Из прокушенной губы у него текла кровь. Он пошел на Голикова, выставив вперед кулаки, а двое остальных вознамерились напасть сзади. Аркадий, не дожидаясь, когда к нему приблизится Маслов, подлетел к нему и снова ударил его в подбородок. У Маслова откинулась голова, и он опять сел на снег. После этого Аркадий обернулся, дал еще по разу тем двоим, которые подкрадывались сзади, и, уже не оглядываясь, отправился по своим делам.

Среди многоопытных училищных драчунов победа второклассника Голикова была расценена как случайная. «Подумаешь, какой Робин Гуд!» И было решено его проучить.

Через день, когда Аркадий возвращался из школы, открылись ворота дома, где жил купец-мануфактурщик, оттуда вывалилась ватага реалистов (среди них Аркадий разглядел троицу, что истязала Псевича), и все они накинулись на Голикова.

Утром в училище он появился с сине-оранжевым фонарем под глазом и широкой ссадиной на скуле. В перемену Аркадий хотел отсидеться за партой, но оставаться в классе разрешали только дежурным. И он вышел в коридор. Здесь Голиков увидел, что участники вчерашнего налета, взявшись за руки, прогуливаются возле его класса. Заметив Аркадия, Маслов громко, театрально воскликнул: «Тихо! Робин Гуд идет!» – и вся ватага с притворным сочувствием стала разглядывать синяк и ссадину на лице Голикова.

Аркадий не стал отворачиваться или закрывать синяк руками. Он позволил недругам насладиться плодами своей коллективной победы. А затем подстерег всех участников налета поодиночке и познакомил каждого с новинкой – удар левой с отвлекающим маневром. Больше трогать Робин Гуда никто не осмеливался.

А месяца через два после появления в училище Кости «ухари» вспомнили, что еще не устроили ему «крещения»: новичков непременно били. В перемену Голиков случайно услышал разговор двух «подлипал». И предупредил Костю:

– Ты в перемену не уходи далеко от класса: «ухари» что-то замышляют.

Два дня Костя был настороже, а на третий, решив, что опасность миновала, отправился в перемену пройти по коридору. К нему тут же подскочил Новицкий, за придурковатость и остроконечные уши прозванный Ослом, а сзади подкрался все тот же тучный и подловатый Маслов. Маслов толкнул Костю на Осла. Осел «обиделся», что Кудрявцев «посмел» его задеть, и ударил Костю по лицу. Быть может, Костя и ответил бы, но Маслов подставил сзади ножку. И «обиженный» Осел снова толкнул Кудрявцева. Тот упал. Осел и Маслов стали кидать на

спину Кости всех, кто проходил мимо. Через минуту посреди коридора копошился немалых размеров холм из мальчишеских тел. Хуже всего было ребятам, которые очутились внизу, особенно Косте. На помощь Кудрявцеву кинулся его одноклассник Коля Киселев, но его тут же отшвырнули в сторону.

– Аркашка! – в отчаянии закричал Киселев. – Аркашка! На помощь!

Голиков находился в учительской – относил карты после урока истории. Услышав, что его зовут, Аркадий бросился к дверям и чуть не сбил преподавательницу немецкого Эльзу Карловну. Когда же он появился в коридоре, то раздался другой испуганный крик: «Атас, Робин Гуд!» – и Аркадий увидел кучу малю.

Из-под груды копошащихся тел неподвижно торчали ноги Кудрявцева в огромных, много раз чиненных, но ни разу не чищенных сапогах.

«Убили!» – испугался Голиков.

Он в два прыжка очутился возле живого холма. Оттащил за плечи и со стуком опрокинул на пол Осли-Новицкого. Киселев и Коля Жуков сделали то же самое с Масловым. Остальные бросились враспынную. Через минуту на полу продолжал лежать, закрыв голову руками, только Кудрявцев. Голиков присел возле него:

– Костя, вставай. Тебе больно?

Кудрявцев шевельнулся. Киселев с Жуковым помогли ему подняться. Костя длинными нервными пальцами ощупал затылок и в тревоге поглядел, нет ли крови. Последнее время у него появился страх, что от ударов и щелчков по голове он станет дурачком.

«Как тогда учиться? – спрашивал он. – И кормить семью? Ведь батя на меня одного надеется».

– Куда ж тебя понесло? – спросил Аркадий, когда выяснилось, что Костя цел и невредим. – Предупреждал же тебя.

– Я п-пошел тебя искать, – ответил Костя. – Ведьма мне п-поставила т-третью д-двойку и сказала, что оставит на в-второй г-год...

– А ты, Николай, куда смотрел? Они ж могли его покалечить! – обернулся Голиков к Киселеву.

– Я тоже тебя искал, – обиженно ответил Киселев. – У меня большие неприятности: гонят с квартиры.

– Ничего себе денек начинается, – вполголоса произнес Голиков и тихо засвистел, что было у него признаком большой озабоченности.

Зазвенел колокольчик.

– Встретимся на улице после уроков. Авось что-нибудь придумаем, – пообещал Аркадий.

Дипломат

Когда Аркадий вышел из училища, товарищи ждали его на тротуаре. Голиков кивнул им и двинулся в сторону дома.

– Ты что, не выучил урока? – спросил он Кудрявцева.

– Выучил, но она... – От волнения Костино лицо искривилось, будто ему свело рот. – Она с-сказала, что с т-таким произношением она меня н-не п-переведет...

Французенку Ольгу Сергеевну прозвали Ведьмой. И каждый реалист знал: если тебя невзлюбила Ведьма – беги из училища. По фанатической приверженности к своему предмету она могла оставить на второй год и на третий. Вернуть ее расположение можно было только безукоризненно правильной и свободной французской речью.

– Занимался бы побольше, – вяло сказал Аркадий, понимая всю безвыходность ситуации.

– Когда з-заниматься? – вскинулся Костя. – П-прихожу из училища, обедаю – и з-за прилавков. Народ в лавку ходит р-редко. Но книжку открыть не смей! «Вдруг войдет покупатель, – говорит дядя, – и подумает, что в лавку давно никто не заходил».

– Ты же не круглые сутки в ней сидишь, – заметил Аркадий.

– А когда з-запру лавку, д-дядя кричит: «К-костя, самоварчик! К-костя, дровишки накопи! К-костя, у тебя с-свинки не кормлены!» А после ужина: «К-костя, к-керосинчик-то нынче дорогонек». И уроки учу, стоя на лавке при свете л-лампадки. А дядя к-корит: «Богохульствуешь! Лампадка – для освещения лица богоматери!»

Голиков озабоченно покачал головой. В одиночку с этими проблемами Косте было не справиться.

– Я б тебе помог с французским, – сказал Голиков, – но у меня такое произношение, что мама, когда читаю вслух урок, выбегает из комнаты. Обожди... Кисель, ты же у нас свободно болтаешь по-французски.

– Я тебе сказал, что поп гонит меня с квартиры, – ответил Киселев. – Если я за два дня не найду другую, придется ехать обратно в Лукоянов, а там негде учиться.

– Ас чего поп тебя гонит? – спросил Аркадий.

– Набрал квартирантов. Дерет бешеные деньги за еду, кормит все хуже. А у самого в сарае и мясо тухнет, и мука плесенью покрывается, и овощи гниют. Ну, я ему и сказал. А он ответил: «Вон с квартиры. А то еще и от церкви отлучу!»

– Ладно, найдешь другую, – успокоил Аркадий. – У Кости дела посерьезнее.

– Я уже искал, – упавшим голосом ответил Киселев. – С обедами никто не берет. Самим, говорят, есть нечего.

– Я бы, Коля, взял тебя к нам, но ты помрешь у нас с голоду, – сказал Аркадий. – Шесть ртов, а работает одна мама.

Голиков замолчал.

«Где Аркадий найдет квартиру с обедами, если он и сам голодает? – подумали товарищи. – И как он уговорит Ведьму, если в прошлом году ее не сумел уговорить сам попечитель учебного округа?»

Это была на шумевшая история. Ведьма поставила двойку Никишину, у которого по остальным предметам были отличные оценки. И парню пришлось уйти из училища. Отец его был кошмовалом.

Мальчишки добрались до приземистого флигеля с резными наличниками, где жил Голиков. «Сейчас Аркашка уйдет, – подумали об одном и том же Коля и Костя, – и мы останемся со своими заботами».

– Обождите меня, – попросил Голиков и скрылся в доме.

Через минуту он вернулся. Ранца на нем уже не было. Глаза Аркадия повеселели, а на худых его щеках проступил легкий румянец.

– Ребята, я вот что придумал, – произнес он. – Надо вас поселить вместе у Костиных благодетелей. У тебя, Кисель, появится жилье. И ты поможешь Косте с французским. Да и постесняется дядя при тебе, Кисель, на нем допоздна каждый день ездить. Кость, ты чего думаешь?

Костя долго не мог произнести ни слова. С гримасой на лице он опускал голову, мотал ею, наконец, выдал:

– Н – не з-знаю. Д-дядя ж-жмот больно. З-захочет ли еще н-нахлебника?

– Но ты же даром на него работаешь! – возмутился Аркадий. – И сидельцем в лавке, и дворником, и скотником.

– Б-без него я н-не мог бы у-учиться!

– А без тебя ему нужно было бы нанять трех работников. Кормить их и платить жалованье. Рискнем? Коля, ты как?

– Я хоть самого дядю буду учить французскому.

– Я с д-дядей об этом г-говорить не могу. Он з-за обедом к-как зыркнет – я к-кладу кусок хлеба об-обратно.

– Ладно, я сам поговорю, – заключил разговор Голиков.

Кудрявцев привел приятелей к двухэтажному облезлому дому с деревянными колоннами, к которому примыкала тесная, в два окошка лавка. В одном окне был выставлен хомут, в другом – чересседельники, потники, веревочные вожжи и иная сбруя. Из приоткрытых дверей пахло гниющей кожей и дегтем.

У крыльца Костя подал знак, чтобы товарищи понезаметней проскользнули в дом, – опасаясь, что дядя тут же посадит его караулить покупателей. Ребята вошли в полутемную прихожую, старательно вытерли о коврик ноги. Испуганная непривычным шумом, по лестнице стремительно спустилась немолодая женщина в накинутах на плечи платке – Костина тетя.

– Здравствуйте, Екатерина Васильевна, – сказал Аркадий, снимая фуражку. – Мы Костины товарищи...

Киселев тоже снял фуражку и поклонился.

– Милости прошу, мальчики, раздевайтесь, – растеряннответила женщина: гости в этот дом заходили редко.

Ребята прошли в мрачную гостиную с толстыми плюшевыми порттьерами на окнах. Плюшевой скатертью с кистями был накрыт и стол. В углу высился массивный, до потолка, буфет. По стенам висели портреты в рамах, где темнели осанистые лики знающих себе цену мужиков с расчесанными бородами и увесистыми медалями на шеях и раскормленных женщин в платьях со стоячими воротниками и золотыми медальонами. В этой галерее Аркадий разглядел снимок самой Екатерины Васильевны в скромной самшитовой рамке. С фотографии смотрела миловидная девушка с бесхитростным, полным ожидания лицом.

– Хороший снимок, – похвалил Аркадий.

– Узнали? – искренне удивилась Екатерина Васильевна. – Это в день окончания гимназии.

– Вы и сейчас очень похожи, – сказал Аркадий. Это была правда.

– Что вы, Аркаша, – залилась краской Екатерина Васильевна. – Я уже старуха. Какой вы, однако... Я вам лучше принесу компот.

И она торопливо ушла.

– А ты говорил, жмоты! – повернулся Аркадий к Косте.

– Т-так то ж т-тетка, она н-ничего.

Екатерина Васильевна возвратилась с подносом, на котором стояли три фаянсовых кружки с компотом и тарелка свежих, домашнего печения кренделей. Аркадий и Киселев переглянулись: таких кренделей они уже не пробовали давно.

- Мы по важному делу, – сказал Аркадий, допив компот и дожевав крендель.
- Слушаю вас. – Лицо женщины напряглось.
- Нас беспокоит, что Косте трудно дается французский. Его могут оставить на второй год.
- Да что вы! – испугалась Екатерина Васильевна. – И ничего нельзя исправить?
- Вообще-то можно, – ответил Аркадий, – но у Кости не остается времени на домашние задания.

– Вы правы, – смутилась Екатерина Васильевна, – я прослежу, чтобы муж его меньше загружал. Спасибо, мальчики, что пришли. А теперь прошу извинить, я спешу. – И она вышла из комнаты.

Минуты две приятели подавленно молчали.

– Я ч-честно предупреждал, – с трудом выдавил Костя.

Киселев опустил голову. Внезапный уход Екатерины Васильевны разбивал его последние надежды, Аркадий тоже был обескуражен провалом своей дипломатической миссии. Костя мог бы еще подождать. Через день Ведьма снова влепит ему двойку – и будет повод вернуться к разговору. Но Киселев ждать не мог. А без него рушился весь план. Впрочем, терять уже было нечего.

В прихожей послышались легкие шаги. Аркадий замер, собираясь с мыслями, и бросился к двери.

– Екатерина Васильевна, можно вас на минуту?

– Аркаша, я приглашена к обеду. И уже опаздываю. Приходите на той неделе: в среду или лучше в четверг.

– Будет поздно, – ответил Аркадий.

– Что поздно? Вы недоговариваете?

Екатерина Васильевна встревоженно вошла в гостиную. Она была в пальто с песцовым воротником и песцовой шапочке. От нее исходил тонкий запах духов.

– Я не успел сказать, что сам Костя с французским не справится. Даже если у него будет много свободного времени.

– Господи, – опустила на стул Екатерина Васильевна. – Что же делать? Я когда-то знала и французский, и греческий, но уже ничего не помню. А учителя небось нынче дороги?

– Да... но простой репетитор ему не поможет.

– Это почему же? – удивилась женщина и сняла шапочку: ей стало жарко. – Вон у соседей сын балбес балбесом, наняли гимназиста, и он помог по арифметике.

– Ведьма, простите, мадам Языкова невзлюбила Костю. И она ему поставит тройку, только если он будет разговаривать по-французски, как парижанин. А для этого он целый день должен с кем-нибудь болтать по-французски – иначе ему придется вернуться обратно в деревню.

– Как вернуться? – Тетя была искренне взволнована. – Мы к нему очень привыкли. Своих детей нам Бог не послал. Мальчики, Коля, Аркаша, посоветуйте. И потом, где я найду такого учителя, чтобы он занимался целый день? Да и денег у нас таких нет.

– Мы и сами не знаем, чем помочь, – сокрушенно произнес Аркадий.

– Что обидно, – добавил Киселев, – способный Костя очень. Преподаватель математики не успевает записать на доске задачу, а Костя уже тянет руку: он ее решил... в уме.

– Да и дяде он помогает лучше любого бухгалтера, – обрадовалась Екатерина Васильевна. – Но вот французский...

– Коля, ведь ты у нас вроде хорошо говоришь по-французски? – будто вспомнил Аркадий.

– Но я не могу каждый день так далеко ходить, – включился в игру Коля.

– Зачем же вам ходить? Переезжайте, – предложила Екатерина Васильевна. – Вам у нас будет спокойно.

– Как ты насчет переезда? – хитро прищуря глаза, спросил Аркадий. – Что тебе у своего попа снимать комнату с обедами, что здесь. Люди тут приветливые, добрые, много с тебя не возьмут.

– Какое «много»! – вмешалась Екатерина Васильевна. – Мы вообще ничего не возьмем. Будете жить, Коля, как родной.

– Даже не знаю, – помялся Коля. – Квртиантов у попа много, вечером весело, играет гармошка...

– Но Косте-то надо помочь? – накинулся на него Голиков. – И потом, пожалей Екатерину Васильевну – где ей найти репетитора, чтобы ходил сюда каждый день и разговаривал с Костей только по-французски?

– Коля, я отведу вам отдельную комнату. А мы с дядей и мешать не будем, только если я зайду компоту принести.

– Ну что, Кисель? – спросил Аркадий, делая неприметный знак, что пора соглашаться.

– Хорошо! – ответил Киселев.

– Только одно меня беспокоит, – заволновалась вдруг Екатерина Васильевна, – едим мы не по-городскому: щи да каша, разве когда что спеку.

– Это ничего, – ответил за Колю Аркадий, – он у нас не избалованный.

...Прощаясь, Голиков хитро подмигнул повеселевшим товарищам.

Решительность

Наступили холода. Снег уже прочно лег на землю. По дорогам вместо телег ездили на санях.

В воскресенье Аркадий возвращался домой. Он нес от сапожника починенную обувь. Неожиданно ему встретились Коля с Костей. Они теперь всюду ходили только вместе. Несмотря на мороз, приятели были без шинелей. Киселев в курточке, а Костя в старом дядином пиджаке. Под мышкой каждый держал коньки-снегурки, которые легко привинчивались к ботинкам. Для этого к каблукам прибивали специальные железные подковки.

– Вы куда?! – изумился Аркадий.

– На Тёшу, – с легким вызовом ответил Костя. Он последнее время стал менее робок и уже не так заикался.

– Не рано ли? – спросил Голиков.

– Мы нарочно ходили на речку, – успокоил Киселев. – Костя у берега на льду даже прыгал. Держит.

– Тогда обождите меня, – обрадовался Аркадий.

Он бегом отнес домой чемоданчик, надел под ученическую гимнастерку теплую фуфайку, схватил коньки и вернулся к ребятам. Те обрадовались – не только потому, что с ним было веселей, но и потому, что втроем менее опасно. Между арзамасскими мальчишками и сорванцами из соседних сел Выездное и Пушкарка существовала давняя вражда. Нередко деревенские, подкараулив, вылетали на лед крикливой, беспощадной толпой, сбивали городских мальчишек с ног, отвинчивали коньки, срывали перчатки и убегали. Городские чувствовали полную беспомощность перед многочисленной и хорошо организованной ватагой.

Приятели спустились по крутому склону к реке, надели коньки и, держась ближе к берегу, для пробы сделали короткие пробежки. Лед был чистым и ровным. Держал он крепко. Лишь на середине реки, где было гораздо глубже, лед чуть-чуть прогибался. Но это мальчикам даже понравилось. И они, хорошо разогнавшись, несколько раз пронеслись по этому опасному месту, испытывая робость и радость от сознания того, что не на шутку рискуют. По счастью, все обошлось.

Накатавшись, друзья собрались домой. Аркадий, отвинтив коньки, стал взбираться вверх. А Коля с Костей захотели проехать часть пути по реке. Костя держался ближе к берегу, а Коля, осмелев, выехал почти на середину Тёши. Внезапно ему показалось, что лед качнулся. Он испугался, повернул к берегу, услышал негромкий треск и заметил, что скользит под легкий уклон к темной полосе, из которой выступила вода. Киселев попытался объехать трещину, но не успел. Ноги и туловище внезапно ожгла вода. Колю накрыло с головой и повлекло сразу вниз и под лед.

Ко дну тащили ботинки с коньками и напитавшаяся водою куртка. А под лед затягивало течение. Киселев хорошо плавал. Проваливаясь, он глотнул воздуха, забил руками и вынырнул на поверхность. Отфыркиваясь, Коля ухватился за край полыньи. Это позволило ему перевести дыхание. Однако, лишь только он подтянулся, чтобы выбраться на лед, снова раздался треск. И Коля плюхнулся обратно. Держась одной рукой за кромку, он снял куртку и попытался отвинтить коньки. Но руки уже теряли чувствительность, и ключ выскользнул из пальцев.

Тут Киселев услышал крик: «Выбирайся на берег!» Кричал Кудрявцев. Увидя, что стряслось с Колей, он прежде всего кинулся к обледеневшим мосткам, на которых женщины летом стирали белье. А когда вскарабкался на них и почувствовал себя в безопасности, испугался, что и он мог провалиться, и окончательно пал духом, не зная, чем помочь другу. Кудрявцев продолжал кричать: «Выбирайся на берег!», точно Киселеву доставляло радость купаться во всей одежде в студеной воде.

Бессмысленные крики раздражали Киселева, но тепла и сил в нем оставалось с каждой секундой все меньше. Инстинктивно оберегая каждую каплю этого тепла, он молча поплыл к другому краю уже немалой полыньи. Однако и здесь, едва Коля попытался вылезти из воды, лед превратился в крошево. Силы оставили его.

Заметив, что Коля перестал барахтаться и плохо гнущейся рукой чуть держится за кромку, Кудрявцев в отчаянии закричал:

– Аркашка, на помощь!

По счастью, Голиков не успел далеко уйти. Услышав надрывный крик, он подумал: кто-то дурачится. «Ухари» и «подлипалы», если считали себя в безопасности, доставляли иногда себе радость его подразнить. Но тут переменился ветер, и уже отчетливо донеслось: «...на помощь!»

Аркадий кинулся к реке. С обрыва увидел: кто-то барахтается в воде, а по мосткам мечется долговязая фигура. Он понял: тонет Киселев. И, рискуя разбиться, бросился по крутому склону вниз.

Подвернулась нога, Аркадий шлепнулся и съехал на спине, затем, прихрамывая, но не ощущая боли, припустил вдоль берега, крича:

– Кисель, держись!

Когда Голиков достиг мостков и взглянул в сторону полыньи, он увидел, что из воды торчит совершенно седая голова. Волосы Киселева покрыл иней, но Аркадий подумал, что Колька поседел от страха. А Киселев, не моргая и шумно дыша, неотрывно смотрел на него, понимая, что это последняя надежда.

Аркадий почувствовал, что все решают мгновения.

– Кисель, я тебя вытащу! – крикнул Голиков, швыряя коньки и отбрасывая шапку.

Колиных сил едва хватило, чтобы кивнуть.

Аркадий быстро осмотрелся, не валяется ли поблизости доска или бревно, и не обнаружил даже щепки. А чтобы отбить доску от мостков, нужен был топор.

– Кисель, иду к тебе! – снова крикнул Голиков и сошел с берега.

Наст под его ногами мягко качнулся, будто огромный плот. Аркадий лег и пополз. Когда же ему показалось, что он подобрался достаточно близко, он кинул Киселеву конец ремня. Пряжка не достала до края полыньи. Аркадий прополз еще немного и снова кинул ремень. Киселев попытался поймать его на лету, не успел, медная бляха ударила его по кисти, но Коля не вскрикнул, не отдернул руку – он не почувствовал боли – и схватился за пряжку. Аркадий потянул за пояс. Киселев навалился грудью на лед, продвинулся на четверть метра и остановился: больше не было сил.

– Кисель, шевельни ногами, – попросил Аркадий. – Всплыви еще немного, а я тебя подтяну.

Киселев кивнул и действительно чуть всплыл, и Голиков опять подтянул его к себе, но кромка обломилась, и Коля со стоном плюхнулся обратно в воду. В глазах его были слезы, безумное желание жить и полная безнадежность.

– Кисель, не отпускай только ремень. Я тебя сейчас вытащу, – повторил Голиков. – Отгони обломок. Так. Подплывай к краю. Молодец! Вдохни побольше воздуха. Ложись грудью на лед. Хорошо! Теперь не шевелись, а я привстану.

Киселев хотел сказать, что не нужно этого делать, что лучше бы попробовать как-то по-другому, но холодом ему свело рот.

Лишь только Аркадий привстал на колени, присыпанный снегом наст мягко разошелся. Голиков, взмахнув от неожиданности руками, ушел под воду, и половинки льда сомкнулись над его макушкой.

Киселев выпустил ненужный теперь ему ремень и машинально ухватился за кромку полыньи. Он уже не чувствовал своего замерзающего тела и вяло, будто засыпая, подумал о том, что из-за него утонул Аркашка и помощи им обоим ждать неоткуда. Но тут вода перед

Киселевым забурлила. Сначала на поверхности появились красные от холода руки, а потом и голова Аркадия. Выплюнув воду и обтерев ладонью лицо, Аркадий весело закричал:

– З-здесь мелко! П-под ногами д-дно... Я стою! – и захлопал руками над головой. Вода была ему по горло.

Голиков сделал два шага навстречу, схватил Колю за рукав, потащил к берегу, поддевая плечом лед. И они выбрались на сушу. Аркадий стал срывать с Николая одежду и растирать его тело ладонью, хотя вода с него самого стекала ручьями. Вокруг них виновато суетился Костя. Голиков с Киселевым ни словом его не упрекнули, но и помощи его не приняли.

Обо всем этом автору книги рассказал полковник в отставке, участник трех войн, удостоенный за отвагу и мужество многих боевых наград, Николай Николаевич Киселев.

– Если бы не решительность Аркадия, – заметил Николай Николаевич, – моя бы жизнь закончилась в то утро на дне Тёши.

Галкинская академия

1. Доброта

Кончалась зима, и все свободное время Аркадий проводил на прудах: он достраивал с приятелями флот. Главный его «сверхдредноут» из половинки старых дубовых ворот стоял на берегу. Требовалось поставить на нем мачту, сделать уключину для рулевого весла и прибить крепкие перила, чтобы во время «морского» боя не плюхаться в воду от малейшего толчка.

На все это нужны были гвозди, доски, скобы, веревки, жечь. Аркадий продал немалую часть своих сокровищ: перочинный ножик с несколькими лезвиями, позеленевшую бронзовую медаль «За взятие Очакова», несколько выпусков сыщицкой литературы, ножны от офицерского кортика с еще сохранившейся позолотой, – но денег все равно не хватило. И он заложил за два серебряных рубля свои коньки. Теперь надо было раздобыть два рубля, чтобы не пропали снегурки.

Просить у мамы Аркадий не мог. Три дня назад, когда он вымолил у нее очередной полтинник, будто бы на кино, мама предупредила: «С деньгами, сын, плохо. И до будущего месяца я тебе ничего больше дать не смогу».

В самом дурном расположении духа Аркадий явился с прудов домой. Переоделся в сухое, поставил на приступочку русской печки сапоги, чтобы они просохли до утра, поел теплой картошки, выпил два стакана чая с сушеной малиной вместо сахара, рассеянно выслушал жалобы сестер. Обычно он вникал, кто чью взял куклу или почему кошка долго не могла попасть в квартиру, а в это время пищали голодные котята. Но сейчас ему самому хотелось посоветоваться, только было не с кем.

– Сестришечки, – сказал он Кате и Оле, – я дослушаю вас завтра. Хорошо? А то мне нужно делать уроки.

Девочки обиженно разбрелись по углам. Аркадий, убрав посуду, разложил на столе книги и тетради. Ко всем бедам он еще сильно запустил уроки. Не хватало только, чтобы маму вызвали в школу.

Сегодня Аркадий рассчитывал приналечь на историю и математику, по которым его давно не вызывали, и заметил в дневнике, в графе «Словесность», маленькими буквами сделанную запись: «Сдать сочинение». Если бы Аркадия сейчас ударили пустым ведром по голове, это бы его ошеломило гораздо меньше.

«Как же я забыл?»

С Галкой у Аркадия сложились непростые отношения. Встречая Голикова, Николай Николаевич вместо привычно короткого и быстрого кивка медленно и уважительно кланялся, внимательно и заинтересованно вглядываясь в лицо мальчика. Такой же взгляд Аркадий ловил и на уроках словесности. И терялся. Ему казалось, что Галка его жалеет. А жалости он не терпел. И потом, во внимательном взгляде учителя крылось постоянное напоминание о сокрушительном провале. А память о том дне Аркадий от себя гнал. И вот нелепейшая история – не написал сочинение «Старый друг – лучше новых двух»

...Галка задал его десять дней назад.

– Прошу не оставлять сочинение на последний вечер, – сказал Николай Николаевич. – Наш мозг обладает замечательной особенностью: он любит возвращаться к проделанной работе и улучшать ее. Сошлюсь на Николая Васильевича Гоголя. Он писал первый вариант повести и прятал рукопись в дальний ящик стола. Через какое-то время извлекал черновик, перечитывал, находил, что у него плохо (это у Гоголя – плохо!), – Галка засмеялся громким, каркающим

смехом, – переписывал все от первой до последней строчки и откладывал опять. И так восемь-девять раз!

– Что же, и нам переписывать девять раз? – насмешливо спросил Григорий Мелибеев, сын известного в городе врача.

– Как угодно. Гоголь был гений. В трудолюбии тоже. Просто я советую: сегодня, к примеру, составьте только план. Завтра на свежую голову план свой поправьте и набросайте, не заботясь об отделке, черновик. Дайте черновику денька два полежать, перечитайте, сделайте новые поправки и вставочки и начинайте переписывать набело. А чтобы у вас было достаточно времени, я вам на эти дни ничего не задаю.

В ответ раздалось восторженное «ура!».

Когда Галка ушел из класса, мальчишки восхищенно говорили, что ни один преподаватель не отменил бы домашние задания на десять дней.

– Братва! Чур, не подводить Галку, – вскочив на стул, заявил Борька Доброхотов. Он в классе пользовался немалым влиянием. – Писать, как Гоголь! Иначе – во! – И показал кулак!

Вспомнив все это, Аркадий заметался в узком пространстве между буфетом, диваном и обеденным столом.

«Галка подумает, что я нарочно, – сокрушался он. – Конечно, я могу честно сказать, что забыл, и он ответит: «Принесите завтра», но он ведь с нами как со взрослыми...»

Аркадий посмотрел на часы, которые тикали на стене. Витиеватые резные стрелки показывали на фарфоровом циферблате без четверти восемь. Бежать в библиотеку (его недавно записала мама – туда полагалось вносить изрядный залог) было поздно. Да если бы даже библиотека и была открыта? Какие книги просить и когда их читать? Посоветоваться с мамой? Но мама набрала ночных дежурств (за них платили вдвойне), была переутомлена, и ее лучше было не беспокоить. И мальчик в который раз пожалел, что нет отца...

Если даже Петр Исидорович долго находился в отъезде и только вошел в дом, а сын сразу кидался к нему, чтобы сию же минуту поговорить, отец отвечал:

– Хорошо, через четверть часа.

И Аркаша ждал, пока отец помоеется в тазике на кухне, переменит рубашку и наденет старенький пиджак, а тетя Даша нальет ему в стакан в серебряном подстаканнике дочерна заваренного чая: если Петр Исидорович приезжал усталый, то сразу не обедал. Он разламывал баранку, делал первый, осторожный, чтоб не обжечься, глоток. И хотя лицо его было серым от долгой дороги и утомительной, не радующей работы, отец все равно улыбался и говорил:

– Ну, пороховая твоя душа, что там произошло – выкладывай!

Аркадий, счастливый тем, что можно все рассказать, торопился:

– Я прочитал «Жакерию»...

– Кто ее написал?

– Я теперь запоминаю писателей – Проспер Мериме. Он из Франции. Но главное, папа, мне опять пришлось подраться.

– Каждый раз одно и то же.

– Не одно. Я не виноват. Я вышел просто погулять. А Гринька с Андрюшкой начали закапывать в песок живого котенка. Он мяукал и не хотел. Я закричал: «Что вы делаете! Вас бы так!» Они сказали мне нехорошее слово. Я стал котенка у них отбирать. Они не давали. Я все же отобрал и принес домой. А теперь они говорят, что это их любимый котенок и я его украл.

– Не беспокойся. Я поговорю. А сейчас возьми книжку, сядь рядышком со мной и почитай ее, а я часок вздремну.

Пока Аркадий ходил за книгой, Петр Исидорович успевал прилечь на диван и заснуть. Мальчик сначала просто сидел и смотрел, как он спит, потому что успевал соскучиться. Постепенно Аркадию делалось спокойно. Он знал: теперь все опять встанет на место...

«Мой лучший друг – папа, – писал Аркадий в новой чистой тетради. – Я знаю, другие мальчишки, если напроказят или случится неприятность, стараются свою вину и ошибки скрыть. Я от папы не скрывал ничего. И как бы я ни был виноват, папа никогда не ругал меня, а только говорил: «Худо, Аркаша, худо!» – и это было для меня самым большим наказанием».

...Когда Наталья Аркадьевна возвратилась утром с дежурства, она застала Аркадия спящим за столом. Перед ним мерцал фитилек керосиновой лампы, в которой выгорел весь керосин.

– Аркаша, – встревожилась Наталья Аркадьевна, – почему ты спишь одетый, за столом?

– Мапочка, ты уже пришла? – обрадовался он, с трудом приоткрывая веки. – Это я писал сочинение и нечаянно заснул.

– Тоже мне сочинитель нашелся! – улыбнулась Наталья Аркадьевна. – Поди умойся, попей чаю и беги в школу. – Она поцеловала его в лоб, испачканный чернилами, сняла пальто и пошла будить Галочку, которой пора было в гимназию.

Когда Аркадий прибежал в училище, то выяснилось, что Галка заболел, но прислал записку, чтобы сочинения ему принесли домой. Неделю Галка не приходил, и все уроки перепутались: вместо словесности – закон Божий, вместо закона божьего – естествознание. И, ввалившись однажды с обшарпанным глобусом в класс, Аркадий увидел Николая Николаевича: теперь уже географию заменили словесностью. За эту неделю Галка еще больше побледнел. Кожа на его лице истончилась, и только глаза глядели еще загадочней и ярче.

Николай Николаевич расстегнул портфель и вынул стопку тетрадей.

– Наш с вами опыт удался, – произнес он, улыбаясь. – Большинство работ я прочитал с истинным удовольствием, но одно сочинение хочу отметить особо. Голиков написал о своем отце и сделал это бесподобно.

И снова весь класс, дружно грохнув крышками парт, обернулся к Аркадию. У Голикова остановилось дыхание, и он почувствовал, как жар заливает лицо, шею и даже спину, будто он очутился на палящем солнце. А Галка продолжал:

– Я прочитал это сочинение в двух соседних классах. Оно произвело большое впечатление. Я нахожу, Голиков, что у вас есть литературные способности. А рано пробудившиеся способности – большая редкость. Не следует думать, господа, что Голиков непременно будет писателем, но если захочет, то сумеет им стать. Мне было бы приятно, Голиков, если бы вы нашли время посетить меня. Мы ведь с вами соседи? Придете?

Аркадий, не подымая от смущения головы, кивнул. Мелибеев сзади кольнул его остро отточенным карандашом. Голиков вскочил.

– Спасибо. Приду обязательно.

...Галка снимал квартиру в обширном доме священника Никольского. Когда Аркадий потянул шнурок звонка, дверь открыла служанка лет сорока, одетая в серое платье с белым передником.

– Вам сюда, – произнесла она, не дожидаясь вопроса, и показала на дверь, откуда слышались ребячьи голоса. Их перекрывал высокий, знакомый и в то же время какой-то новый, приветливый и домашний голос Николая Николаевича.

Голиков постучался и вошел. В просторной комнате стояла низкая софа, низкий столик, невысокие стулья, как позднее узнал Аркадий, сделанные по чертежам самого Галки. На софе и на стульях, уткнувшись в книги, сидели мальчишки в форме реалистов – Аркадий их встречал в училище. А за столом расположились двое совершенно незнакомых ребят – один в клетчатой рубашке, а другой в пиджаке с подвернутыми рукавами. На Аркадия ребята взглянули мельком, без всякого интереса.

Зато Галка, который сидел за письменным столом, заметив Аркадия, поднялся навстречу. Николай Николаевич был в белейшей полотняной рубашке и бархатной куртке.

– Я рад, что вы у меня, – сказал учитель. – Посмотрите, вдруг вас что заинтересует.

Вдоль стен темнели застекленные шкафы. В одних стояли книги: энциклопедия Брокгауза и Ефрона, роскошные издания классики – Шекспир, Шиллер, Гете, Пушкин, Лев Толстой и много других произведений в солидных и пестрых обложках. А в одном шкафу книг не было – там лежали морские раковины, словно обросшие редкой бородой кокосовые орехи, засушенные морские звезды, китайские, темного лака шкатулки с тонкой витиеватой резьбой, позолоченная фигурка Будды, кривой нож в деревянных ножнах, резной, из слоновой кости шар и много других диковинных вещей. Галка привез все это из дальних стран. О его путешествиях и коллекции в городе и училище было много разговоров.

Соблазн прикоснуться к этим сокровищам хотя бы пальцем был так велик, что Аркадий спрятал руки за спину.

– Здесь все можно трогать и брать руками, – сказал Галка.

Аркадий схватил нож в деревянных ножнах, потянул костяную рукоятку. Блеснул кривой, острый, не тускнеющей стали клинок. Но что делать с ножом, если ты не в лесу и даже не на берегу реки, где можно срезать хотя бы ивовый прутик? Аркадий положил на место кинжал и взял костяной прозрачный шарик.

Он был словно соткан из тончайших кружев, какие носила мама, только здесь они были из слоновой кости. Положив шарик на ладонь и поднеся его поближе к висячей лампе, Голиков увидел внутри еще один шарик, только поменьше. А там и третий. Всего он насчитал шесть штук.

Аркадий засмеялся. Он сразу разгадал, в чем здесь хитрость. Дедушка Исидор вытачивал матрешек, каждая состояла из двух разъемных половин. Аркадий попытался разнять и шарик, ему это не удалось, и он подошел к Галке.

– Шарик не разнимается, – ответил учитель, выводя кому-то аккуратную тройку.

– Склеен? – мгновенно сообразил Аркадий.

– Нет, – усмехнулся Галка, отрываясь от тетрадки, – выточен из целого куска.

– Вы шутите, – улыбнулся Аркадий. – Как же тогда эти шарики засунули внутрь?

– Их внутри и вытачивали. Чтобы сделать такой шарик, мастеру иногда требовалось полгода. Представляете, какая нужна воля и терпение?

Аркадию показалось, что шарик стал очень тяжелым, и он положил диковинку на место. Зато в дальнем шкафу он сразу увидел «Приключения Тома Сойера» – эту книгу в Арзамасе невозможно было достать даже в библиотеке – и «Пятнадцатилетнего капитана». И хотя нельзя было читать сразу две книги, Аркадий забрал с полки обе, уселся на низкий диванчик, открыл «Тома Сойера» – и оторвался, лишь заметив, что все давно ушли.

– Ой, который же это час? – вскочил он и покраснел, увидев, что уже начало двенадцатого. Он кинулся к шкафу, чтобы поставить книги на место.

– Если желаете, возьмите их с собой, – сказал, входя в комнату, Галка.

Аркадий стал бывать у Николая Николаевича каждый день. Мама говорила: «Это неприлично», а он не мог ничего с собой поделывать. Когда бы Голиков ни пришел, он заставал уже пять-шесть учеников. И если Николая Николаевича не было за столом, Аркадий шел в соседнюю комнату, превращенную в столярную мастерскую. Здесь, надев кожаный фартук и перевязав тесемкой волосы, похожий на простого мастерового, Галка пилил, орудовал рубанком, стучал деревянным молотком, сооружая этажерки, табуретки, шкатулки. Мальчики, которых увлекало столярное ремесло, смотрели или помогали, вытачивали что-то сами под внимательным взглядом учителя. А закончив дела в мастерской, Николай Николаевич выходил в читальню, где его дожидались другие ребята – книжники, и каждый обращался со множеством накопившихся вопросов.

Все Аркадию было здесь по душе, смущало только одно. Он боялся, что Галка заговорит с ним о его литературных способностях и о том, как становятся писателями. А Голиков не желал больше сочинять стихи и не собирался быть писателем. Эта профессия ему совер-

шенно разонравилась. В ней все было непонятно. Когда Аркадий писал сочинение в стихах, он мог поклясться, что испытывал вдохновение, которое осеняет лишь настоящих поэтов. Он был убежден, что у него рождаются гениальные строки. А Галка небрежно назвал их «доморощенной поэзией». Когда же он, Аркадий, наспех, в один присест написал даже не сочинение, а просто воспоминания об отце, Галка заявил, что это бесподобно. Как же тут понять, когда ты делаешь работу хорошо, а когда плохо?

Или Галка уловил эти мысли, или по иной причине, но к разговору о литературных опытах самого Аркадия он больше не возвращался. Зато охотно беседовал с ним о книгах и судьбах великих писателей. Первый такой обстоятельный разговор состоялся в тот вечер, когда Аркадий вернул «Тома Сойера» и «Пятнадцатилетнего капитана».

– Понравилось? – спросил Галка.

– Очень.

– А какая больше?

– Обе одинаково. – И увидел досаду на лице учителя. – Разве это плохие книги?

– Нет, очень хорошие. Просто я надеялся, вы уловите различие. Я понимаю, вас увлекли приключения, поэтому я вот что хочу сказать: романы, которые вы прочли, созданы двумя очень талантливыми и разными писателями.

Марк Твен родился в Америке, был наборщиком, лоцманом, солдатом, искал золото. К счастью, золота не нашел и стал писателем. Почти все персонажи Марка Твена – люди, которых он хорошо знал.

Иное дело Жюль Верн. Он служил биржевым маклером, сочинял пьесы, их ставили. А подлинное призвание свое обнаружил случайно. В детстве Жюль Верн заносил на карточки любопытные сведения о разных странах, в которых он не бывал.

Однажды издатель предложил ему сделать небольшую научно-популярную книжку. Тут обнаружилось редкое свойство Жюля Верна: строго научные факты – где что растет, записи об особенностях климата или загадочном природном явлении – рождали в его голове живые образы и множество связанных с ними событий. Он обладал могучим воображением, которое позволило ему создать романы «Из пушки на Луну» или «20 тысяч лье под водой».

– Значит, Том Сойер был на самом деле, а Дик Сэнд выдуман?

– В Томе Сойере много от самого Марка Твена, каким он был в детстве. И его персонажи действуют в тех местах, которые писателю были хорошо знакомы.

А у Жюля Верна события происходят на далеком континенте, на дне океана или в межзвездном пространстве, где автор никогда, разумеется, не был. Обширнейшие познания и воображение заменили ему живые картины. И все-таки совершенно без живых впечатлений писатель работать не может.

Я вполне допускаю, что Жюль Верн был знаком с каким-нибудь молодым и решительным конторщиком или галантерейщиком. Встречаясь с ним, писатель присматривался к нему, а в один прекрасный день, дав ему имя Дик Сэнд, мощью воображения перенес его на палубу корабля. Но я хочу обратить внимание на одно обстоятельство: Жюль Верн умел создавать положения и характеры, которые не вызывали сомнения в их подлинности. И обо всем рассказывал с такой убедительностью и точностью, будто сам совершил полет на Луну или опускался в глубь земного шара.

– А как возникает такой дар? – спросил Аркадий.

– Одни с этим рождаются. Другие развивают.

– Его можно развить?

– Конечно. Все можно развить, как мышцы, – и память, и воображение, и быстроту мысли. Но это долгий разговор. Мы к нему еще вернемся. А пока я рекомендую прочесть из романов Жюля Верна еще что-нибудь.

Взяв «Таинственный остров» и «20 тысяч лье под водой», Аркадий стал торопливо прощаться. Глядя на него, начали прощаться и другие ребята. И каждый, уходя, уносил с разрешения Галки кто рубанок, кто кожаный футляр с подозрной трубой, третьему зачем-то понадобился барометр в деревянной оправе.

Последним с дивана вскочил мальчик в пиджаке с отцова плеча. Звали его Васей. Лет двенадцати, с густыми светлыми волосами, он был неумело подстрижен дома, и челка над правой бровью была короче, нежели над левой. Издали казалось: Вася чему-то удивился и это удивление застыло на его лице.

Мальчик был сыном кожевника, в кожу его рук вьелся коричневый дубильный раствор – Вася давно помогал отцу.

Уже в прихожей, надев шапку, Вася вспомнил, что не положил на место прозрачные камушки, которые в зависимости от освещения меняли свой цвет. Вася скинул сапоги, вернулся босиком в комнату, взял со столика три позабытых камешка, которые сейчас, при керосиновой лампе, отливали изумрудно-зеленым, положил их на полку и нечаянно задел закатанным рукавом пиджака раковину – нежно-розовую, со множеством отростков. Шорох в ней напоминал и шум прибоя, и стремительное скольжение ветра в натянутых снастях, а иногда в ней слышался далекий пастуший рожок, который выводил одну и ту же простую мелодию.

Раковина упала и разбилась.

– Я не хотел, я не хотел! – в испуге закричал Вася. – Это она сама! – Слезы покатались по его лицу, и он их вытирал все тем же злосчастливым подвернутым рукавом.

Галка, который стоял в коридоре, провожая учеников, увидев, что случилось, внезапно залился своим странным каркающим смехом.

– Спасибо... тебе, Вася... спасибо... а то мне эта раковина сильно надоела. А выбросить... жалко.

Лицо Васи из бледно-зеленого стало пунцово-красным. И счастливым.

– Я соберу, – обрадовался он и наклонился к разбитой раковине.

Галка перестал смеяться и кинулся в комнату.

– Не надо. Я сам. Здесь острые края.

И начал собирать осколки, но не веником и совком, а руками – и каждый осколок отдельно. Один залетел в щель между шкафами. Галка бережно обтер его ладонью и, прижимая к себе остатки раковины, унес их в мастерскую.

«Нет, он не собирался ее выбрасывать, – понял Аркадий. – Она ему очень дорога. Но как же он сумел так весело засмеяться?»

Вася через день пришел с отцом. Васин отец был одет в новое пальто и сапоги с блестящими калошами. У него было бородастое молодое лицо, но того болезненного цвета, когда человек долго не бывает на свежем воздухе или у него больны легкие. Вася, тоже одетый в новое длинное пальто, жался сзади. Отец держал в руках перевязанный бечевкой пакет в нарядной подарочной бумаге.

– Вот, значит, уважаемый, – сказал Васин отец, – Вася мне сказал... Я ездил в Нижний. – И, пошуршав жесткой бумагой, вынул сначала коробку, а из нее раковину – розовую с белым, с симпатичными темными крапинками. – Самая лучшая, – добавил с тревогой Васин отец. Он, видимо, опасался, что раковина учителю не понравится и нужно будет искать более дорогую.

А Галка закричал высоким сердитым голосом:

– Отвезите все это обратно! Мне и та была не нужна! А эта тем более! Заберите! А ты, Вася, идем заниматься. – И, обняв мальчика за плечи, увел его в комнаты.

Васин отец торопливо спрятал раковину обратно в коробку. Вид у него был обрадованный и смущенный: надо полагать, раковина стоила немалых денег.

2. Совет на всю жизнь

– Вы почему долго не приходили? – спросил Галка, когда Аркадий появился у него после значительного перерыва.

– Много забот по дому, – солидно ответил Голиков. – И кроме того, я начал одно серьезное дело.

И он протянул стопку карточек, нарезанных из плотной бумаги. Они были заполнены его старательным мелким почерком. Галка быстро их просмотрел.

– Зачем это вам?

– Вы сами говорили: у Жюль Верна была картотека. И в ней все про заморские страны, растения, животных, крокодилов. – Заметив скупающий взгляд учителя, встревожился: – Разве это плохо?

– Что и для чего вы собираетесь заносить на карточки?

– Но Жюль Верн...

– Он был ученый и писатель. Ему для работы нужна была абсолютная точность названий, особенностей растений, условий климата... Вы тоже собираетесь сочинять романы?

– Нет-нет, – испугался Аркадий. – Но я хочу точно про насекомых, акул, вулканы...

– Для этого существуют энциклопедия, учебники... А главное – если через месяц я пожелаю взглянуть вот на эту карточку про меч-рыбу, вы ее, скорее всего, не найдете.

– А как же быть, если мне понадобится... про меч-рыбу?

– А для чего же память? Было время, когда не существовало письменности. Все сведения о природе, способах добывания огня, приемах охоты на громадных животных с помощью примитивных орудий, сведения о том, когда сеять, а когда снимать урожай, и о многом другом хранила из поколения в поколение только человеческая память. Если бы случилось такое несчастье, что сразу все люди лишились бы способности помнить, человечество исчезло бы. Оно бы не выжило.

– Но тогда мало знали.

– Ошибаетесь. Нашим предкам было известно такое, о чем мы уже не имеем понятия. Они читали следы зверей и птиц – иначе как же охотиться и выслеживать? Великолепно распознавали запахи – это часто помогало уберечься от опасности. Знали абсолютно все растения: какие пригодны в пищу, какие для лечения, а какие ядовиты, и их нужно остерегаться. В деревнях и сейчас это знают. Там живут старушки, которые, взглянув на небо, скажут, какая погода будет завтра. Или заявят: «Раз сегодня дождь, то лить он будет сорок дней». И действительно, дожди начинают лить без остановки.

Вот здесь, на полках, стоят «Илиада» и «Одиссея». Их, по преданию, сочинил слепой поэт Гомер. Прошло много времени, прежде чем их записали. А до этого тысячи людей запоминали их с голоса, слово в слово.

– Сейчас такой памяти уже не бывает, – вздохнул Аркадий.

– Бывает. У нас в Арзамасе священнослужители помнят наизусть Библию. Да и не одну только Библию. Много других текстов, которые они считают важными. Наша память нуждается в том, чтобы ее загружали. Она любит работать. И чем больше ей приходится работать, тем лучше она это делает. Поэтому есть люди, память которых изумляет.

Я слышал на Севере сказительницу, которая три дня при мне пела песни, былины, веселые частушки – и ни разу не повторилась. Думаю, она помнила не меньше Гомера. Потому я и говорю: все, что вам может понадобиться, запоминайте – места, где вы побывали, названия растений, повадки птиц, оттенки заката, исторические события, страницы книг, которые вам особенно понравились. И свои толковые мысли запоминайте тоже. Листок или карточка могут затеряться. А голова всегда будет при вас.

Человек с отличной памятью, – продолжал Галка, – богатый человек. То есть денег и драгоценностей у него может и не быть. Зато ни один прожитый день для него не проходит бесследно. Все увиденное, пережитое, услышанное, понятое остается с ним. Мы никогда не знаем, что нам из прошлого опыта понадобится. И чем богаче наша память, тем в сложных и опасных ситуациях мы защищенней. Обратите внимание, как много полезного помнят герои Жюль Верна – и это помогает им выжить.

Аркадий кивнул. Он был растерян. Он испытывал изумление перед могуществом человеческой памяти и сожалел, что у него не будет такой памяти, как у Гомера или хотя бы как у самого Галки, который стихи Гюго на уроках читал на французском, поэму Байрона – на английском, сонеты Петрарки – на итальянском, а восточных поэтов – на японском или китайском языке. Аркадий машинально рвал ненужные ему теперь карточки с выписками. Лоскутки падали на колени и сползали на пол. Галка это заметил, но ничего не сказал.

– А если у меня слабая память? – с тревогой произнес Аркадий.

– Слабая память только у больных, – жестко ответил Галка. – У большинства она бывает просто ленивой.

– Но тетя Даша меня о чем-нибудь попросит, а я забываю.

– Память здесь ни при чем. Вы невнимательны. А у рассеянных людей хорошей памяти быть не может. Чтобы что-то запомнить, надо сосредоточиться. Этому тоже учатся. Я был во время своего путешествия в тибетском храме. – Галка снял с полки позолоченную фигурку Будды. – Там не только молятся, там готовят ученых монахов, в том числе врачей. И врачей превосходных. И нам показывали, как воспитывают внимание и память у будущих тибетских врачей.

Каждому ученику давали цветок. И за минуту, которую отмеряли песочные часы, нужно было разглядеть и запомнить количество и форму лепестков, тычинок и листьев, их расположение на стебле. Если цветок увядал, то нужно было сказать, сколько лепестков увяло и как изменилась их окраска. Или в комнату входил человек в диковинном одеянии – и за несколько секунд требовалось разглядеть и запомнить, во что он одет, обут, какие на нем украшения и даже число пуговиц на рукавах и груди. Без внимания и предельной сосредоточенности это было бы невыполнимо.

Напоследок я могу только добавить: когда я сам учился в гимназии, мой преподаватель словесности советовал: «Учите каждый день стихи или отрывки прозаического текста. Или иностранный язык. Потраченное время с лихвой вернется к вам. Вам будет легче постигать науки, и меньше усилий потребуется для избранной деятельности...»

Голиков не помнил, когда он ушел от Николая Николаевича. Он только помнил, что ходил по темному городу, не разбирая, где дорога, где лужи. И дал самому себе слово, что разовьет память и наблюдательность еще лучше, чем эти монахи-лекари, и сможет, взглянув на страницу учебника, сразу все понять и запомнить. А если попадет к папе на фронт, то попросится в разведку, обманом проникнет в немецкий штаб, взглянет на их карты – и запомнит расположение линий и стрелок. Глянет на бумаги, оставленные на столе, – и запомнит все, что там будет написано, доставит эти сведения в штаб русской армии. Ему, как и положено герою, седовласый генерал приколет к груди Георгиевский крест. И портрет реалиста Голикова появится в журнале «Нива».

Аркадий принялся старательно учить французский и немецкий, которыми раньше занимался спустя рукава. С немецким все обстояло благополучно, а во французском ему, как и Кудрявцеву, не давалось произношение. Поначалу Наталья Аркадьевна терпеливо исправляла ошибки, но у него оказался плохой слух, и оттенки произношения ускользали. Однако для себя Аркадий решил: «Пусть я не буду говорить по-французски, как парижанин, зато я буду свободно читать и писать».

Обладая отличной зрительной памятью, он выучивал наизусть целые страницы французских книг, которые сам себе читал вслух. Его старание было столь очевидно, что даже Ведьма не ставила ему двоек.

Он любил открыть перед сном синий томик Гоголя. В особенности «Сорочинскую ярмарку». И вскоре обнаружил: то, что он прочитал накануне вечером, он мог слово в слово повторить наизусть утром. Еще легче запоминались стихи.

Аркадий был полон впечатлений от книг, которые давал ему Галка (так много он еще никогда не читал). Его не покидало радостное возбуждение от того, что он видел результаты своих усилий по развитию собственных способностей. Да и усилия-то понадобились не бог весть какие. Главное, Галка подсказал ему путь.

Аркадий снова стал сочинять стихи. Даже на уроках он вынимал из ранца тетрадку и торопливо заносил в нее пришедшие в Голову строки. Товарищи это заметили и стали просить, чтобы он им почитал. Помня злосчастное сочинение, Аркадий краснел и долго отнекивался, но его уговорили. Однажды после занятий, когда в классе собралось несколько человек, Аркадий прочитал восьмистишие, посвященное отцу.

– Здесь недостает одной строфы, – заметил Шурка Плеско. Он был на год старше Аркадия и слыл в училище эрудитом. – Допиши. В субботу мы проводим благотворительный вечер в пользу выздоравливающих солдат. И ты выступишь. Под музыку.

– Но я никогда не выступал. Тем более под музыку. У меня и слух не того...

– Мы дадим тебе замечательного аккомпаниатора. Адька Гольдин у нас играет на рояле, как Паганини.

– Паганини вроде был скрипачом, – робко напомнил Аркадий. – Играл на одной струне.

– А у нас Гольдин, как Паганини, играет на рояле, – авторитетно заметил Шурка: он не любил, когда с ним спорили.

Страх выступления в переполненном зале, да еще под музыку, боролся в душе Голикова с желанием помочь собрать деньги для солдат. И потом, вдруг какой-нибудь выздоравливающий вернется в полк, где служит отец?..

– Хорошо, – согласился Аркадий, – только пусть Адька играет не слишком громко.

Вечер состоялся в городском театре. Аркадий впервые увидел свое имя на афише. Правда, оно было набрано самыми мелкими буквами.

Аркадий и Гольдин поднялись на сцену. Аркадий был невысок, а Гольдин еще меньше. И оба выглядели со сцены совсем маленькими. Голиков и Адька неумело поклонились. В зале раздался доброжелательный смех. Гольдин сел к роялю и взял первый аккорд. Аркадий от волнения его не услышал. Гольдин, нажимая для громкости на педали, повторил – в зале снова засмеялись. Наконец Аркадий совладал с собой и прочитал стихи хорошо, а Гольдин вообще показал себя виртуозом. Мальчишкам долго аплодировали, но у них был подготовлен всего один номер. Пришлось исполнять его второй раз.

С этого дня Аркадия приглашали на все благотворительные вечера. Он читал не более двух-трех своих стихотворений, но, если публика его не отпускала, начинал декламировать Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко. А со временем включил в программу прозу Лермонтова, отрывки из повестей Гоголя и Льва Толстого.

Однажды Голиков дежурил в классе. Во время перемены через приоткрытую дверь он услышал спор, который возник в коридоре.

– Да не помнит он всего наизусть, – говорил одноклассник Мешалкин. – Он пересказывает Толстого и Гоголя близко к тексту.

– Нельзя так точно пересказывать, легче запомнить. – Аркадий узнал голос Борьки Доброхотова, сына владельца городской типографии. Он был мальчишкой начитанным.

– Я докажу, – не унимался Мешалкин. – В следующий раз на Аркашкино выступление я возьму книгу и буду следить... Пари?

– Со мной, – распахнул дверь Голиков. – Спорим на «американку».

Мешалкин побледнел: проигравший «американку» был обязан выполнять любые желания победителя. Многие реалисты таким образом надолго попадали в рабство к одноклассникам.

– Разрешаю взять свои слова обратно, – великодушно предложил Аркадий.

– Нет. – Лицо Мешалкина покрылось круглыми пятнами: отступать ему было поздно.

– Тогда «американка».

– На три желания, – поспешно уточнил Мешалкин.

– Согласен. Проверку устроим после уроков. Книги принесешь сам.

После занятий остался почти весь класс. Мешалкин принес из школьной библиотеки однотомник Гоголя.

– Проверяй по «Сорочинской ярмарке» или «Мертвым душам», – предупредил Аркадий.

Он стоял у доски. Мешалкин с раскрытой книгой сидел за первой партой. Вокруг него сгруппировались остальные, чтобы следить по тексту.

– «Прежде, давно, в лета моей юности...» – начал Мешалкин.

– «...в лета невовратно мелькнувшего моего детства, – подхватил Голиков, – мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту».

– Это потому, что начало главы, – торопливо произнес Мешалкин и раскрыл книгу в другом месте. – «Слова хозяйки были прерваны странным шипением...» – стал он читать снова.

– «...так что гость было испугался, – продолжал без малейшего усилия Аркадий, – шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но, взглянув вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить».

Слушатели восторженно зашумели: одно дело, когда ты сидишь в зале и выступает декламатор, а другое, когда идет такое состязание. Но Мешалкин решил не сдаваться. Он снова перелистнул изрядное количество страниц.

– «Между тем герою нашему готовилась пренеприятнейшая неожиданность», – начал он.

– «...показался из последней комнаты Ноздрев, – подхватил Голиков. – Из буфета ли он вырвался, или из небольшой зеленой гостиной, где производилась игра посильнее, чем в обыкновенный вист, своей ли волею, или вытолкали его, только он явился веселый, радостный, ухвативши под руку прокурора, которого, вероятно, уже таскал несколько времени...»

– Считаю проверку законченной, – заявил Борька Доброхотов. – Мешалкин проиграл. Аркадий, твое первое желание. Брат, между прочим, прислал Мешалкину отличный карманный фонарик и полдюжины батареек. Вечером включишь на улице – всю улицу видно.

– Да, фонаря у меня нет, – признался Аркадий, – свой я отдал матери. Она часто поздно возвращается. – И посмотрел на Мешалкина – у того был совершенно несчастный вид.

И Голиков подумал: как бы он себя чувствовал, если бы отец прислал с фронта подарок, а он, Аркадий, этот подарок проспорил бы?

– Фонаря у меня нет, – с сожалением повторил Аркадий. – И первое желание у меня такое... – Он выдержал длинную паузу. – Мешалкин, за месяц ты должен выучить «Сорочинскую ярмарку». А если не выучишь, заберу фонарь.

Весть о необычном пари разошлась по городу. Голикова стали приглашать в другие школы. И он особенно был польщен, когда явилась делегация из женской гимназии. Проверять Аркадия по книге, как Мешалкин, в других школах стеснялись, но зато во время выступлений его просили из зала:

– Прочтите, пожалуйста, из «Тамани».

– Из «Капитанской дочки».

– Сцену у Манилова.

И Аркадий читал. Он сделался городской знаменитостью, и его звали так: «декламатор из реального».

Часть вторая Пожнешь судьбу

Необыкновенное время

Раз в неделю Аркадий ходил в библиотеку. Он менял книги, а потом садился в темноватом углу и читал свежие номера журнала «Нива» и газеты.

Пока он читал журнал, душа его наполнялась гордостью: он видел снимки грозных русских бронепоездов и могучих пушек, которые наносили сокрушительные удары по войскам немецкого кайзера. Аркадий подолгу разглядывал фотографии героев – разведчиков, летчиков, артиллеристов с новенькими Георгиевскими крестами на гимнастерке.

Однако стоило взять подшивку «Нижегородского листка», и настроение моментально портилось. На самой первой странице публиковались списки раненых, убитых и пропавших без вести. Аркадий торопливо и с опаской их проглядывал, с облегчением вздыхал, не найдя знакомой фамилии, и начинал искать отца в числе награжденных. Не обнаружив и тут, успокаивал себя, что указы о награждениях постоянно запаздывают.

Те же газеты публиковали «всепопданнейшие депеши Державному Вождю» – царю Николаю Второму. Депеши были полны словесного мусора: «Мы восторженно гордимся... под доблестным руководством Верховного Главнокомандующего... одушевленные твердой верой... чувства беспредельной любви и преданности...»

И Аркадий недоумевал: если в русской армии столько героев, то почему в сводках то и дело читаешь: «Наши войска отошли на новые позиции...», «Наши доблестные войска, после кровопролитных боев, оставили...». Он спросил об этом маму. Она ничего не ответила. А придя к ней в приемное отделение, увидел: мама, сидя в накрахмаленной шапочке и белоснежном халате, торопливо просматривает первую страницу «Нижегородского листка»...

Вечером Аркадий спросил о том же Галку. Учитель встал из-за стола, прошелся вдоль книжных шкафов, плотно прикрыл дверь в прихожую.

– Мы не были готовы в 1904 году, – произнес он наконец, – когда началась война с Японией. Мы оказались не готовы и теперь. Помимо этого возникла опасная и двусмысленная ситуация. Наша царица, Александра Федоровна, – родная сестра кайзера Вильгельма. Вряд ли она желает поражения своей родине – Германии. И ходят слухи, что она тайком переписывается со своей родней.

– А царь знает, что его жена – немецкая шпионка?!

– Аркадий, не так громко, – предостерег его Галка. – Известно только одно: если царь уезжает, как главнокомандующий, на фронт, то многие дела внутри страны вершит Александра Федоровна. И что она делает для блага России, а что для блага Германии... – Галка развел руками.

Арзамас наводнили беженцы. Они прибывали из мест, захваченных противником. Снова сильно подорожали продукты. Тетя Даша уходила в очередь за крупой и хлебом с ночи. А как-то в класс, где учился Аркадий, один из купеческих сынков явился с опозданием. И на левой его щеке запечатлелась пятерня.

– В чем дело? – спросил преподаватель математики. – Вы дрались на улице?

– Это отец... – Лицо мальчика скривилось от обиды. – Я хотел, он не пускал...

В перемену выяснилось, отец оставлял сына считать деньги – выручку в дом носили мешками, а мальчику это надоело.

И вдруг в марте семнадцатого года в реальном после занятий накрепко заперли двери на улицу. Ребята, уже одетые в шинели, бегали по вестибюлю и коридорам. А сторож объяснял, что выполняет распоряжение инспектора Лебязьева.

Площадь перед училищем заполнили толпы. Они несли красные полотнища на длинных палках. Никаких демонстраций в Арзамасе отродясь не было. Один из старшекласников крикнул:

– Братва, айда в туалет! Оттуда вылезем на улицу!

В туалете на первом этаже с треском открыли законопаченное окно, и ребята стали прыгать в снег. Аркадий прыгнул тоже.

С высокого крыльца дома, что напротив училища, выступал человек в солдатской папаше и запачканной мазутом шинели железнодорожника.

– Граждане, – говорил рабочий, – поздравляю вас с небывалым праздником: царь Николка, Николай Второй, по прозвищу Кровавый, который велел расстреливать рабочих в 1905 году, царь, из-за которого мы несем столько поражений, отрекся от престола. Теперь у нас будет Временное правительство!

Люди закричали «ура», мальчишки от радости засвистели. А Голиков подумал: «Раз не будет царя, то не будет и царицы. Это ясно. А когда же кончится война и вернется папа?»

В училище после митинга началось невообразимое. Реалисты собрались в актовом зале, начали свистеть и кривляться перед портретами царя и царицы, кидая в физиономию Николая и Александры Федоровны карандаши и резинки. Конец беспорядку положил директор, который велел сторожу унести портреты.

В городе замелькали люди в красных рубашках. Они называли себя эсерами. А затем появились другие – в черных. Они именовались анархистами. Кроме того, появились кадеты и трудовики. И все они призывали на митингах рабочих и мужиков окрестных сел пополнять их ряды. Народ недоумевал: какая же партия самая стоящая? На помощь пришел отец Павел. В своей проповеди в Воскресенском соборе он объяснил, что социалистом и революционером был еще Иисус Христос. И арзамасские обыватели повалили записываться в эсеры.

Аркадий старался не пропускать ни одного митинга. Он хотел понять главное: когда же закончится война?.. Но ораторы говорили в своих речах о чем угодно, кроме этого. А в газетах он прочитал: без свергнутого царя народ освобожденной России будет воевать с удвоенной силой.

Но одно объединяло всех ораторов: они дружно ругали большевиков и Ленина. Да и газеты писали о большевиках недоброжелательно и странно.

Совершенно сбитый с толку, Аркадий обратился к отцу.

«Милый, дорогой папочка!

Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют?

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы, так как всюду об них говорят.

4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?

5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает?.. Какой у большинства лозунг? Неужели – «Война до победного конца», как кричат буржуи, или «Мир без аннексий и контрибуций»?..

Крепко целую. Твой сын Аркадий Голиков.

Пиши мне на всё ответы, как взрослому, а не как малютке»*.

Но письма с фронта шли долго. Не дождавшись ответа, Аркадий пошел к Галке.

– За что, – спросил он, – все ругают большевиков?

– Кого же вы слушаете? – спросил Галка. – Выездовских лабазников, мясников, семинаристов, мечта которых поскорее стать попами? Вот погодите, я отведу вас вечером в клуб большевиков.

Они пришли в деревянный дом на Сальниковой улице, окруженный густым садом. Еще по дороге Галка сообщил, что большевиков в городе всего двадцать человек.

– А вы? – спросил Голиков.

– Я тоже большевик, – улыбнулся Галка.

Народу в клубе набралось битком: солдаты из госпиталей, расконвоированные пленные австрийцы, рабочие с кошмовальных и кожевенных заводов. И вдруг среди шинелей и темных пальто Аркадий заметил канареечный кант шинелей реалистов. У дальней стены, за столом с красной скатертью, сидели выпускники прошлого года – Колька Березин и Женька Гоппиус. А между ними – маленькая женщина в темном шелковом платье. Это была Мария Валерьяновна, мать Женьки.

Гоппиусы жили на окраине, возле самого перелеска и кладбища. Существовали они уроками и тем, что сдавали в аренду сад и огород, которые не могли обрабатывать сами. Обыватели говорили, что на окраине Гоппиусы поселились неспроста, и если вечером возле ихнего дома тихо постоять, то много любопытного можно заметить: и народ к ним загадочный ходит, и свертки носят, – не иначе как мама с сыном скупают краденое, а потом на базаре в Нижнем перепродают.

– А мать Женькина тут чего делает? – неприязненно спросил Аркадий, вспомнив обывательские разговоры.

– Что делает? – Галка загадочно усмехнулся. – Мария Валерьяновна Гоппиус – самый главный наш большевик.

А Женья и Коля Березин – ее главные помощники. Пойдемте, я вам все расскажу.

В тот же вечер Аркадий узнал, что Мария Валерьяновна Виноградова родилась в семье чиновника, вышла замуж за состоятельного инженера-путейца Гоппиуса, который, между прочим, строил арзамасский вокзал. А судьбу свою Мария Валерьяновна связала с революцией. Ее арестовывали и ссылали. В тюрьмах, во время переездов она потеряла троих детей.

От нее ушел муж. Но Мария Валерьяновна продолжала революционную работу. Живя в Арзамасе в ссылке, она тайно создала большевистскую организацию.

Голиков стал ходить в клуб на Сальникову улицу каждый день и однажды услышал то, что ему всего важнее было знать.

– Наша партия и Ленин, – заявил один из ораторов, – стоят за то, чтобы крестьяне получили землю и чтобы солдаты разошлись из окопов по домам!

Аркадий хотел подойти и спросить: «А когда она кончится, эта война?», но постеснялся. Зато его заметила Мария Валерьяновна и подозвала к себе.

– Мальчик, – спросила она, – ты чей? И что ты каждый вечер у нас делаешь?

Вопрос ее прозвучал холодновато, будто она Аркадия в чем-то подозревала. Аркадий растерялся. На помощь пришел Женька.

– Мать, это Аркашка Голиков, сын фельдшерицы из родильного отделения. Его привел Соколов.

– А где, Аркаша, твой отец? – уже мягче, потеплевшим голосом спросила Гоппиус.

– На войне. Мы получили вчера от него письмо: солдаты избрали его командиром полка.

– Поздравляю, – сказала Мария Валерьяновна. – А ты бы не согласился нам кое в чем помочь?

– Конечно. А что нужно? – обрадовался Аркадий.

«Понемногу стали они доверять мне»

Первое задание оказалось неожиданным. Аркадий возвращался из библиотеки домой и встретил Марию Валерьяновну и Софью Федоровну Шер. Они были чем-то возмущены. А Софья Федоровна к тому же придерживала рукой край широкой юбки. Аркадий заметил, что юбка порвана.

– Здравствуйте. Что случилось? – спросил он, останавливаясь.

– Он спустил на меня и Марию собак! – возмущенно произнесла Софья Федоровна. – Он кричал: «Вы – ленинские шпионки». И собаки нас кусали. – Шер правильно строила фразы и неправильно ставила ударения. Она была немка.

Лет десять назад Софья Федоровна приехала в Россию гувернанткой. Вышла замуж. У нее родилось четверо детей. Это не помешало ей вступить вместе с мужем в революционную организацию. В доме Шеров в Ярославле обнаружили склад динамита. И своего пятого ребенка Софья Федоровна едва не родила в тюрьме. По счастью, учитывая многодетность, каторгу ей заменили ссылкой в Арзамас. Теперь она помогала Гоппиус.

– Кто спустил собак? – не понял Аркадий.

– Фабрикант Мочалов, – ответила Мария Валерьяновна. – Мы хотели провести у рабочих митинг.

– И он не дал?! – возмутился Аркадий. – Обождите. Я сейчас.

Когда Аркадий прибежал к воротам фабрики, они были заперты. А возле проходной на длинном поводке бегали две борзые собаки и нервно прохаживался молодой конторщик с охотничьим ружьем. Голиков не стал с ним разговаривать. Он обогнул ограду, нашел в ней лаз и, быстро миновав двор, вошел в грязный, закопченный цех, где от испарения из чанов и застарелых запахов нечем было дышать.

– Товарищи рабочие! – громко крикнул Аркадий. – Я от комитета большевиков. Для проведения митинга к вам шли две женщины. Им поручили потребовать, чтобы заводчик Мочалов ввел восьмичасовой рабочий день. Но Мочалов их не пустил. Больше того, он натравил на них собак...

– Травил женщин собаками?! – произнес пожилой рабочий, вытирая фуражкой вспотевший лоб.

– А ну, мальчонка, покажи, где эти представители... Мы их сами на завод проведем... – выкрикнул молодой парень, откатывая тележку с пустыми ящиками.

Митинг состоялся. Мочалову пришлось ввести восьмичасовой рабочий день вместо десятичасового, сохранив прежнюю зарплату.

...Политическая обстановка в городе становилась напряженной. Перед выборами в Учредительное собрание началась борьба за голоса. Большое влияние приобрели кадеты – конституционные демократы. Они выступали за возвращение на трон царя, власть которого следовало, по их мнению, ограничить парламентом и конституцией. В Арзамасе у кадетов нашлось много сторонников, которые желали видеть во главе страны «помазанника Божия» из дома Романовых.

В реальном училище кадетов активно поддерживал инспектор Лебяжьев, тот самый, который оставил Голикова на два часа без обеда за катание на перилах. Вся учительская была завалена увесистыми пачками листовок на голубоватой бумаге. Лебяжьев приглашал к себе учеников из поповских или купеческих семейств, вручал им листовки и посылал раздавать на улицах. Ослушаться Лебяжьева никто не смел, поэтому реалистов с листовками видели и на базаре, и в торговых рядах, и возле кинотеатра. Каждому прохожему они норовили вручить голубоватый листок.

Среди дня в кабинет Лебяжьева постучался Аркадий.

- Голиков, вы что хотели? – официальным тоном спросил инспектор.
- Дмитрий Николаевич, я бы тоже хотел раздавать листовки.
- Вы? – Инспектор был озадачен. – Но я прошу это делать лиц, коим содержание и программа близки по духу. А вы, я полагал, вместе с господином Соколовым, с которым у нас...
- Я с Галкой, извините, с Николаем Николаевичем не во всем согласен...
- Приятная неожиданность. – На неподвижном лице Лебяжьева появилась неумелая улыбка, Аркадий видел ее впервые. – Возьмите, сколько сочтете нужным, – и показал на развязанную пачку, в которой оставалось менее половины.
- Я хочу целую. Я собираюсь на митинг...
- Пожалуйста. Ежели вам не хватит, милости прошу, приходите еще, – произнес Лебяжьев: такого старания среди учеников еще не проявлял никто.
- Голиков унес за день пять полных пачек. Они были сожжены во дворе дома Гоппиусов.

Жаркая осень

В сентябре 1917 года начались занятия в реальном. За лето Аркадий подрос, стал наливать силой, в его движениях появились уверенность и спокойствие. Он аккуратно ходил на уроки, собранно и споро выполнял домашние задания, по всем правилам, как советовал Николай Николаевич, готовил и писал домашние сочинения. И много читал. Именно в эту осень он открыл для себя Шекспира, «Анну Каренину» и «Казakov» Льва Толстого, «Обрыв» Гончарова, «Преступление и наказание» Достоевского, а так же задиристые, бесстрашные в готовности ниспровергнуть любые авторитеты статьи Писарева. Галка дал ему «Путешествие на корабле «Бигль» Чарлза Дарвина. После этой книги Аркадию захотелось непременно прочесть «Историю цивилизации в Англии» Бокля.

Аркадия заинтересовала судьба автора. Оказалось, что Герберт Томас Бокль ни дня не учился в школе. Путем самообразования за короткий срок овладел 19 языками и основами многих наук, став выдающимся ученым. Аркадия всегда волновали судьбы людей, которые проявляли исключительную волю и замечательные способности.

Между тем революция коснулась и училищных порядков. Была уволена преподавательница французского по прозвищу Ведьма, которая покалечила столько мальчишеских судеб. На ее место пригласили молоденькую учительницу Софью Владимировну Бернатович. Одного из преподавателей отстранили от работы за оскорбительное высказывание в адрес Льва Николаевича Толстого. Была отменена общая молитва перед началом занятий. Посещение уроков закона божьего стало добровольным. «Я не хожу на уроки закона божьего!»* – записал Аркадий в дневнике. В семье Голиковых в бога не верили.

В училище прошли выборы классных комитетов. В своем классе Аркадий получил двадцать голосов. Его соперник, Борька Доброхотов, набрал только четырнадцать. Остальные и того меньше. Как председатель комитета, Аркадий имел теперь право высказывать администрации пожелания учащихся, и администрация была обязана к мнению учеников прислушиваться. Когда руководству училища однажды показалось, что мальчишки слегка зарвались и не обязательно выполнять их требования, Голиков посетил директора и очень вежливо предупредил: возможна забастовка. Чем она могла закончиться, предвидеть было трудно. И администрация пошла на уступки.

Справедливость требует сказать, что в своем классе Голиков навел порядок. Он добился полного спокойствия на уроках, включая закон Божий.

– А у попа-то чего тихо сидеть? – возмутился неугомонный Гришка Мелибеев.

– Можешь не ходить к нему на уроки – это дело твоих убеждений, но, если пришел, веди себя, как положено революционному учащемуся.

Той же осенью Голиков организовал в своем четвертом классе рукописный журнал «Свет». Не менее половины каждого номера заполняли его стихи и статьи. А когда Аркадий узнал, что в школе готовится постановка пьесы Гоголя «Игроки», он выпросил у Галки роль обманутого обманщика Глова.

После того как в училище заканчивались занятия, для Аркадия начиналась еще более напряженная жизнь. По заданию большевистского комитета он не пропускал ни одного эсеровского митинга, потому что эсеры начали приобретать влияние в уезде. Голиков посещал лекции, которые устраивала кадетская партия, присутствовал на крестьянском съезде. А через день ходил с кружкой по вокзалу и собирал деньги в пользу раненых.

Большевики вели работу в лазаретах и знали, что раненые сильно нуждаются. Их лечили и кормили, но денег на личные расходы не давали: негде было взять. Аркадий часами стоял со своей кружкой на перроне, объясняя публике, которая проходила мимо: «Граждане, у каждого из нас кто-то на фронте. И любой из наших близких может быть ранен». Люди вздрагивали от

его проникновенного голоса, и в кружку Аркадия сыпались медяки, серебряная мелочь и даже ассигнации. Голиков приносил собранное в комитет, и Мария Валерьяновна просила:

– Аркаша, ты уж не поленись, пособирай завтра еще. Уж больно хорошо тебе подают.

Тем временем большевики стали выпускать «Молот» – первую газету за всю историю существования Арзамаса. Редактором ее назначили Галку. Секретарем к себе он пригласил Аркадия.

– Я не знаю, что делать. Не умею, – искренне испугался Аркадий.

– Я тоже не был редактором, – ответил Галка. – Будем учиться газетному делу вместе.

Под редакцию отвели две маленькие комнаты при типографии Доброхотова. В одной Николай Николаевич правил заметки и статьи, планировал номера, в другой Аркадий занимался подпиской, разбирал почту, вырезал из центральных газет статьи, которые считал нужным перепечатать в «Молоте». Когда выходил очередной номер – случалось это не каждый день, – Голиков садился на подводу и развозил тираж по деревням. Вскоре Галка, обремененный многими обязанностями, доверил ему и правку заметок. Править Аркадий не умел и просто их переписывал.

Когда в редакции заканчивался рабочий день, Аркадий брал недавно полученную винтовку со штыком и в паре с кем-нибудь шел патрулем по городу. Контрреволюция все активнее подымала голову, и нужно было принимать меры по охране Арзамаса.

Домой Аркадий возвращался на рассвете, часа два спал, оставлял винтовку, хватал ранец и бежал на занятия в школу. Как председатель классного комитета, он не имел права опаздывать или пропускать уроки.

Со дня на день в городе ожидалось уличные бои. Большевистский комитет постановил наладить в срочном порядке военные занятия для всех членов организации. Хотя Голиков в партии не состоял, ему позволили пройти обучение тоже. Под руководством Туроносова, покалеченного солдата первой мировой войны, Аркадий по-пластунски ползал, окапывался, учился стрелять из винтовки.

В ноябре 1917 года власть в городе перешла в руки Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Во главе его встали большевики. Это привело к объединению против Совета представителей всех остальных партий. Возникли слухи, что в городе готовится восстание, а для руководства им из Нижнего придут переодетые офицеры.

Мария Валерьяновна пригласила к себе Аркадия.

– Мы отдаем тебе под наблюдение Большую улицу, – сказала она. – Будь внимателен ко всем незнакомым и приезжим. Особенно к людям в полувоенном или с хорошей армейской выправкой. Это могут быть офицеры, прибытия которых мы опасаемся.

Голикова на время освободили от других обязанностей, а Галка даже сказал:

– Надо освободить и от посещения школы.

Но воспротивилась Гоппиус.

– Это покажется странным, – объяснила она, – Аркадий не появляется на занятиях, но целый день торчит на улице. Нет, в школу пусть ходит. На первую половину дня мы найдем ему замену.

Началась утомительная работа. После училища Аркадий забегал домой, бросал ранец, наскоро обедал и шел на Большую. До глубокой темноты он будто бы гулял то по одной, то по другой стороне улицы. Он внимательно оглядывал возчиков на санях. Почти всегда это были мужики в солдатских шинелях или овчинных шубейках. Реже возами управляли женщины. Аркадий научился мгновенно схватывать взглядом, что везут. Он спокойно пропускал, когда видел возы с мешками, но зато его настораживали дрова и в особенности ящики. По счастью, ящики на возах попадались нечасто, но если они казались ему подозрительными, он шел, а иногда бежал за возом – предполагалось, что в Арзамас будет доставлено большое количество

винтовок. Добежав за санями до торговых рядов, он чаще всего убеждался, что в ящиках привезли антоновские яблоки или репчатый лук, и спешил обратно на свою Большую улицу.

Город был невелик, и добрую половину жителей Голиков знал в лицо. Он помнил физиономии купцов, приказчиков, сидельцев в лавках, целовальников из трактиров, рабочих с фабрик. Помнил в лицо и даже по фамилиям многих выздоравливающих солдат из лазарета, пленных австрийцев, часть которых сочувствовала революции и Советской власти. Это все облегчало наблюдение.

На четвертый или пятый день, под вечер, Голиков заметил рослую мужскую фигуру в темном пальто и новом картузе. Мужчина нес в руке докторский саквояж.

Аркадий прогуливался по той стороне улицы, что прилегала к перелеску, а мужчина с саквояжем шел по противоположной. Он неутомимо и споро отмерял шаги, словно ему предстоял еще долгий путь. И вдруг, повернувшись, нырнул в дверь кафе «Черная кошка», которое помещалось в двухэтажном доме с балконом. Дверь звякнула колокольчиком и закрылась. Голиков остановился. Он не знал, что делать: войти в кафе, ждать на улице? Бежать к Марии Валерьяновне? А что, если человек с саквояжем тем временем уйдет?

Раздумья Голикова прервал еще один прохожий в длинной солдатской шинели, с котомкой за плечами и хромовых, до блеска начищенных сапогах. Солдаты таких не носили. Правда, на базаре можно было купить какие угодно, даже красные сафьяновые, но сапоги, в которых шел человек с котомкой, были сшиты по ноге. И, одевшись солдатом, незнакомец не забывал их каждый день чистить ваксой и полировать бархоткой.

«А этот куда пойдет?» – с беспокойством подумал Аркадий.

Человек с котомкой остановился, словно желая разглядеть, тот ли перед ним дом, который ему нужен, а на самом деле мгновенно оглянулся и тоже толкнул дверь кафе.

«Надо бежать к Марии Валерьяновне, – понял Аркадий. И заволновался: – А если они уйдут? Как их тогда искать?»

Тут Аркадий заметил худенького, невысокого реалиста. Мальчишка буквально волок большую, как чемодан, папку для нот. Голиков узнал одноклассника и своего аккомпаниатора, сына зубного врача Адьку Гольдина. Адька жил на соседней улице, в просторном деревянном доме, известном по множеству фотографий, которые печатались в газетах и журналах: находясь в ссылке в Арзамасе, этот дом арендовал Алексей Максимович Горький. Адька по этому поводу сильно воображал. Но сейчас Аркадий обрадовался Гольдину.

– Адька, – крикнул он, – ты чего такой печальный?!

По привычке Гольдин насторожился: его часто дразнили, а случалось, и били, но по лицу Аркадия он увидел, что Голиков рад ему, и Адька заулыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.